

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Специфика перевода юридической лексики в художественных текстах
(лексико-семантический и стилистический аспекты)**

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающаяся 2 курса

Образовательной программы

«Юридический перевод»

очной формы обучения

Буланова Мария Сергеевна

Научный руководитель:

к.ф.н., доц. Русецкая Н. Н.

Рецензент:

к.ф.н., доц. Казакова Н. Н.

Санкт-Петербург

2018

Оглавление

Введение.....	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ.....	8
1.1. Понятие перевода. Художественный перевод – характеристики и особенности	8
1.2. Эквивалентность и адекватность в переводе художественного текста	12
1.3. Художественный и юридический переводы в контексте межкультурной коммуникации	16
1.4 Природа и особенности юридического языка.....	18
1.5 Характеристики английского и русского юридических языков	20
1.6 Основные характеристики юридического дискурса и особенности юридического перевода.....	26
1.7 Эквивалентность в юридическом переводе	30
1.8 Проблемы перевода юридической лексики и терминологии	33
1.9 Юридическая лексика в художественном тексте постмодернизма	39
1.10 Лексические и стилистические трансформации как приемы перевода	42
Выводы к главе 1	47
ГЛАВА 2 АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНАХ И. Р. МАКБЮЭНА “THE CHILDREN ACT” («ЗАКОН О ДЕТЯХ») И Э. НАЙДЕРМАНА “THE DEVIL’S ADVOCATE” («АДВОКАТ ДЬЯВОЛА»)	49
2.1 Краткая характеристика выбранных для исследования произведений..	49
2.2 И. Р. Макьюэн “The Children Act” и его перевод на русский язык.....	52
2.2.1 Авторское повествование о личной жизни героев	53
2.2.2 Авторское повествование о профессиональной деятельности	55
2.2.3 Речь судей	64
2.2.4 Допрос свидетелей	71
2.2.5 Речь адвокатов в ходе слушания	73
2.2.6 Разговор адвокатов на профессиональные темы	75
2.3 Э. Найдерман “The Devil’s Advocate” и его перевод на английский язык. 77	
2.3.1 Авторское повествование о профессиональной деятельности	77
2.3.2 Допрос свидетелей	84

2.3.3 Речь адвокатов в суде	88
2.3.4 Вступительная речь адвокатов	89
2.3.5 Разговор адвокатов на профессиональные темы	90
Выводы к главе 2	95
Заключение	98
Список используемой литературы	101

Введение

Работа посвящена исследованию перевода юридической лексики как компонента современного художественного текста. В качестве основы для анализа перевода выбрано понятие эквивалентности и адекватности перевода. Отклонение от этих параметров в тексте перевода составляет основу практической части исследования. В работе рассматривается специфика юридического дискурса, а также основные характеристики английского и русского юридических языков, объясняется взаимодействие художественного и юридического типов дискурса на примере художественного произведения.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение юридического перевода является новой отраслью теории перевода. Рост международного сотрудничества, международной торговли, кооперации и т.д. является причиной того, что проблематика теории юридического перевода в настоящее время активно изучается как лингвистами, так и правоведами. Актуальность исследования подтверждается также тем, что в данной работе юридический перевод рассматривается в рамках художественного перевода, а функционирование юридического дискурса за пределами юридического текста остается малоизученным.

Новизна работы заключается в том, что:

1. Рассматриваются особенности перевода современных художественных произведений. Произведения, выбранные в качестве материала исследования, к настоящему моменту мало освещены в научных исследованиях в области переводоведения и лингвистики.
2. Представляется комплексное теоретическое обоснование взаимодействия юридического английского языка и языка художественной литературы в рамках современного художественного произведения.
3. Смещается акцент с поиска отдельных терминологических соответствий в сторону анализа специфики функционирования юридических лексических

единиц в художественном целом и ее учета при переводе лексических единиц юридического языка в художественном тексте.

4. Изучается включение различных подтипов юридического дискурса в художественный текст, на основе чего анализируются стилистические аспекты перевода юридической лексики.

Теоретическая значимость обусловлена теоретическим обоснованием специфики взаимодействия юридического языка и языка художественного текста эпохи постмодернизма, выявлением переводческих решений по переводу юридической лексики в художественном тексте и их интерпретация.

Практическая ценность исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы на практических занятиях по переводу художественного текста, по переводу специализированных текстов, содержащих юридический язык на филологических и юридических факультетах в высших учебных заведениях.

Объект исследования – особенности перевода юридической лексики в текстах художественной литературы на стилистическом и лексико-семантическом уровне

Предметом исследования служит изучение переводческих решений в переводе специальной лексики юридического дискурса в современных художественных произведениях на предмет сохранения или несохранения семантической и стилистической структуры оригинала.

Материалом исследования являются художественные произведения И. Р. Макьюэна “The Children Act” (2014), его перевод на русский язык, выполненный В. Н. Голышевым (2016); Э. Найдермана “The Devil’s Advocate” (1991) и его перевод, выполненный Т. О. Новиковой (2016).

Целью работы является изучение функционирования юридической лексики в художественных произведениях и анализ ее перевода на русский язык.

Этой целью определяется круг **задач**, решаемых в работе:

1. Рассмотреть специфику перевода художественного произведения и возможности достижения в нем эквивалентности;
2. изучить специфику перевода юридических текстов и вопросы достижения эквивалентности в юридическом переводе;
3. исследовать природу, особенности и характеристики русского и английского юридических языков;
4. изучить проблемы перевода юридической лексики;
5. выявить и изучить возможности взаимодействия юридического дискурса и художественного текста в англоязычной литературе постмодернизма;
6. выявить юридическую лексику в указанных художественных текстах;
7. изучить ее функционирование в произведениях и проанализировать ее перевод, в частности семантический и стилистический аспект, на русский язык.

Теоретической базой данного исследования послужили современные работы отечественных и зарубежных исследователей по вопросам теории перевода (L. Venutti, J. House, Yves Gambier, Luc van Doorslaer, E. A. Nida, C. Millan, P. Р. Чайковский, Н. В. Вороневская, В. Н. Комиссаров), теории и практики юридического перевода (G. Gazonne, Susan Sarcevic, Marshall Morris, F. Olsen, Peter M. Tiersma, A. Capone и др.), особенностям перевода юридических текстов (Н. Е. Farahaty, D. Cao, S. Glanert, E. Rotman, C. Way, A. Trosborg и др), проблемам перевода юридической терминологии (А. М. Ключина, А. С. Киндеркнехт, О. А. Безуглова, М. Galdia и др.), литературы постмодернизма (П. Чайлдз, Н. С. Олизько), и теории права (С. С. Алексеев, В. Ф. Калина).

Методы исследования определены задачами, материалом и общим направлением работы. Основными методами теоретической части данной работы являются изучение и реферирование научной литературы в области общей теории перевода, теории юридического перевода и теории перевода художественных текстов. Для написания практической главы методом сплошной выборки были выбраны предложения, содержащие юридическую лексику. Далее посредством применения классификационного метода были сгруппированы предложения, содержащие юридическую лексику, согласно подтипам юридического дискурса, функционирующего в художественном тексте. Для анализа перевода юридической лексики был применен описательно-сопоставительный метод.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения и списка литературы. Первая глава – теоретическая. В ней изучаются особенности художественного и юридического переводов, специфика русского и английского юридических языков, рассматриваются проблемы перевода юридической лексики. Здесь также представлено обоснование включения юридической лексики в художественный текст эпохи постмодернизма. Вторая глава имеет практический характер. В ней представлены анализ семантических и стилистических аспектов перевода юридической лексики в вышеуказанных произведениях. Систематизация подтипов юридического дискурса, включенных в данные художественные тексты, служит основой для сопоставления единиц исходного текста и текста перевода.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

1.1. Понятие перевода. Художественный перевод – характеристики и особенности

В современном переводоведении существует множество определений понятия перевод и переводческой деятельности. Это объясняется, прежде всего, разными подходами к переводческой деятельности и теориями, в рамках которых изучается как сам процесс перевода, так и его результат. Различное отношение к переводу, оценка его значимости, наличие или отсутствие характеристик «идеального» переведенного текста также обуславливает то, что в современном переводоведении нет единого, общепринятого определения данного понятия. В широком смысле перевод определяется как замена оригинального текста другим текстом, при этом дается уточнение, что переведенный текст должен быть эквивалентен оригиналу. Различные лингвисты предлагают свои определения перевода, в которых на первый план выносятся какой-либо аспект переводческого процесса или критерии его результата (переведенного текста). К примеру, в определении перевода может быть подчеркнута значимость передачи смысла исходного текста: “Translation is the rendering of the meaning of a text into another language in the way that the author intended the text.” (Перевод – это передача значения текста средствами другого языка при сохранении интенции автора.) [P. Newmark, 1988: 240] и т.д.

Любой перевод — это творческий процесс создания нового текста, в котором отражается видение мира переводчика, его индивидуальное восприятие переводимого текста, и в котором он должен применить весь свой культурный и языковой опыт. В тоже время перевод — это множество ограничений, переведенный текст должен быть максимально близким к

оригиналу, он не должен быть ни лучше, ни хуже оригинала [House, 2009: 8, Чайковский, 2014: 19].

Перевод охватывает все сферы жизни общества, особую значимость для настоящего исследования составляют два вида перевода – художественный и юридический перевод. Далее будут рассмотрены основные аспекты и характеристики перевода художественного текста.

В. Н. Комиссаров дает следующее определение художественному переводу: художественный перевод — это перевод художественного текста. Этот вид перевода функционирует в сфере художественной литературы. Художественный текст можно определить как сложный комплекс представлений автора о действительности и выбора им особых средств воздействия на читателей [Комиссаров, 1990: 97]. Художественная литература противопоставляется другим текстам, прежде всего по основной выполняемой ею художественно-эстетической функции, где информативное содержание не является самым важным аспектом, в отличие от других типов текстов.

С позиции культурного перевода художественный перевод рассматривается как посредник между национальными литературами, который выполняет посредническую миссию в отношении национальных культур [Чайковский, 2014: 32]. Переводчик, по мнению Т. А. Казаковой, не только создает текст, эквивалентный оригиналу, но текст, который представляет исходное художественное произведение в иноязычной культуре [Казакова, 2006: 23].

Художественный перевод — один из самых сложных аспектов переводческой деятельности, ввиду стоящих перед переводчиком задач. Он, также, как и другие виды перевода, имеет свою специфику. Прежде всего, сложность данного вида перевода заключается в особенностях художественного текста на исходном языке. Ч. Райт в своей работе “Literary Translation” пишет о том, что «литературность» (literariness) художественных

текстов, которая включает такие понятия, как остранение (defamiliarization), стиль автора, использование стилистических средств, например метафор, повторов, является причиной того, что художественные тексты вызывают особые трудности в переводе [Wright, 2016: 6-7, 109-112]. Художественный перевод является наиболее сложным переводом также ввиду стилистических особенностей и языка оригинальных художественных произведений. Стилистический аспект перевода заключается в правильном подборе лексико-грамматических средств в соответствии с общей функционально-коммуникативной направленностью подлинника и с учетом существующих норм языка, на который делается перевод [Сулейманова, 2010: 11-14].

Трудности перевода художественного текста обусловлены не только проблемами передачи индивидуального стиля автора, различных стилистических средств и т.д., они также вызваны необходимостью воспроизвести тот прагматический потенциал, которым обладает исходный художественный текст, то есть намерения автора, которые выражены различными языковыми средствами, как в авторской речи, так и в речи персонажей в целях оказания воздействия на читателей. Сложность художественно текста заключается в том, что в нем содержится большое количество имплицитно выраженной информации, понять которую читатели могут с помощью определенных умозаключений. Задача переводчика заключается не только в том, чтобы выявить имплицитно выраженную информацию, но и передать ее на языке перевода [Гаибова, 1986: 21; Landers, 2001: 34].

Художественный текст моделирует особенную художественную реальность, которая служит средством познания действительности читателем, поэтому сохранить смоделированную автором художественную реальность является одной из основных задач переводчика. Художественная литература предназначена прежде всего для носителей той культуры, на языке которой она создается. В сознании людей, как представителей определенной культуры,

возникают те ассоциации, которые обусловлены фактами национальной культуры: генетической памятью, традициями, воспитанием, стереотипами, духовными и нравственными ценностями. В сознании автора и читателей возникают схожие ассоциации относительно информации текста. Переведенные тексты должны производить на читателей то же впечатление, что и оригинальные произведения, прежде всего потому, что основной задачей таких переводов является замена оригинала для носителей другого языка и культуры, не знающих языка подлинника.

Несмотря на то, что художественный перевод предоставляет переводчику много возможностей для творческой интерпретации, он одновременно ставит и жесткие ограничения, соблюдение которых необходимо для того, чтобы перевести текст, а не создать произведение по его мотивам [House, 2009: 14; Чайковский, 2014: 64].

Читатель, так же, как и переводчик подходит к тексту языка-оригинала, будучи убежденным в том, что выбор лексики и синтаксиса автором является важным, выполняет какие-либо функции и обладает определенным прагматическим эффектом. Переводчику необходимо выявить это в исходном тексте и передать этот выбор писателя в языке перевода. Таким образом, выбор переводчика тоже имеет большое значение. Выбор переводчика – это не только сознательные, но и бессознательные решения по выбору лексики и синтаксиса, что в совокупности является интерпретацией текста переводчиком [Monday, 2012:13]. Такого же мнения придерживается Клиффорд Е. Ландерс и отмечает, что роль выбора в художественном переводе невозможно переоценить [Landers, 2001: 24]. Выбор переводчика должен опираться на стоящие перед ним задачи и критерии качественного перевода, которые включают в себя, например, «преданность оригинальному тексту», верности автору текста, точной передачи содержания [Nida, 2002; 2-3]. При этом точность содержания не следует оценивать исключительно с позиции «верности автору текста», точность содержания должна, прежде всего,

относиться к сведению к минимуму возможности непонимания текста читателями, для которых он предназначен, поэтому, необходимо верно передать значение текста, что наибольшую сложность представляет именно в художественном переводе [Nida, 2002: 5; Gambier, Doorslaer, 2011: 10]. Среди основных задач переводчика при переводе художественного текста также следует выделить воспроизведение индивидуальности оригинала художественного текста и сохранение его эстетического восприятия. Перевод должен сохранять образность, стиль, экспрессивность и эмоциональный фон подлинника.

1.2. Эквивалентность и адекватность в переводе художественного текста

Проблематику художественного перевода следует рассмотреть с позиции эквивалентности и адекватности, так как эквивалентность и адекватность считаются базовыми понятиями теории перевода. Эквивалентность определяется как отношение между оригинальным текстом и текстом перевода при котором наблюдается общность их содержания. Эквивалентность – одно из понятий теории перевода, которое вызывает множество разногласий. По мнению В. Н. Комиссарова, эквивалентность — смысловая общность единиц языка и речи, которые приравниваются друг к другу. Из этого определения следует, что эквивалентность не рассматривается на уровне текста. Больше распространение получил более широкий взгляд на понятие эквивалентности, которого придерживались, например, К. Раис и Х. Вермеер. При таком подходе эквивалентность считается категорией, которая охватывает отношения между знаками, наряду с отношениями между текстами [Reiss, Vermeer, 2014: 82]. Данный подход к определению подчеркивает, что эквивалентность целостного текста не исходит из эквивалентности всех его сегментов. Эквивалентность – «необходимое условие» перевода, которое позволяет перевод считать переводом [Baker, Malmkjær, 2001: 77].

Среди переводоведов имеются некоторые расхождения насчет определения «эквивалентности». Переводческая эквивалентность — эквивалентность текстов, которая достигается в процессе перевода. Идеальным вариантом переводческой эквивалентности является полная эквивалентность. Полная эквивалентность — идеализированный конструкт, предполагающий абсолютную близость текстов [Baker, Malmkjær, 2001: 78-79]. Данное понятие включает в себя не только лингвистическую общность первичного и вторичного текстов, но также оно охватывает прагматический уровень и все релевантные виды функциональной эквивалентности. Тем не менее, возможны случаи, когда полная эквивалентность является достижимой. В основном, полная эквивалентность осуществляется только в простых коммуникативных условиях и в текстах с узким функциональным диапазоном.

Развитие теории переводоведения приводит к тому, что в настоящее время существует также точка зрения, что понятие «эквивалентность» недостаточно раскрывает необходимое тождество текстов оригинала и перевода. Такой подход объясняется изоморфизмом языка и культуры, необходимостью дальнейшего совершенствования концепции эквивалентности и возможной замены данного понятия другим термином «большей теоретической мощности» [Чайковский, Вороневская, 2014: 22-23]. Однако, на основании того, что теории, предлагающие замену терминологии, не являются общепринятыми, считается возможным использовать понятие «эквивалентность».

В художественном переводе понятие эквивалентности соотносится не только с точной передачей содержания, сведений, терминов и т.д., но также с передачей эмоционального фона художественного текста, сохранением уникальности художественной реальности и воздействующей функции текста на читателя.

Другим критерием перевода является адекватность. Определение понятия адекватности перевода и эквивалентности в настоящее время

вызывают разногласия среди ученых. Существуют различные мнения о тождественности и разграничении этих понятий. Многие ученые придерживаются мнения, что «адекватность» и «эквивалентность» являются не синонимичными понятиями. Считается, что эквивалентность ориентирована на результат перевода, на определение соответствия текстов оригинала и перевода по определенным параметрам, эквивалентность связана с коммуникативной ситуацией, коммуникативным актом, выбором стратегии перевода [Латышев, 2005: 32; Паршин, 2000: 54].

Адекватным переводом считается тот перевод, который, как пишет В. Н. Комиссаров: «обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности» [Комиссаров, 1990: 125]. По мнению Комиссарова, адекватный перевод — это синоним «хорошего» перевода, а эквивалентный перевод — это перевод, который воспроизводит содержание текста оригинала на одном из уровней эквивалентности.

Переведенный текст может быть адекватным, но при этом частично эквивалентным оригиналу, то есть на одном семиотическом уровне, так же, как и эквивалентный перевод может быть «неадекватным».

Переводимость является предпосылкой эквивалентности, т.е. принципиальная возможность достижения эквивалентности относительно всего текста или какой-либо его части. Выделяется лингвистическая и культурная непереводимость. Лингвистическая непереводимость — невозможность найти эквивалент в языке перевода из-за разных языковых систем. Культурная непереводимость — отсутствие определенных культурных понятий и объектов культуры в целевом языке по сравнению с языком оригинала. Дж. Кэтфорд пишет о том, что, в силу своих особенностей, культурная непереводимость часто считается частью лингвистической непереводимости [Григорьева, 2017: 45-46]. Эквивалентность текста достигается на различных уровнях, при соблюдении определенных

параметров. К условиям достижения эквивалентности и ее параметрам относятся: денотативная, коннотативная, текстонормативная и прагматическая эквивалентность.

Денотативная эквивалентность ориентирована на понятийное содержание текста, что следует из определения денотативного содержания текста. Денотативное содержание текста – это общая соотнесенность с реальным миром;

Коннотативная эквивалентность ориентирована на передаваемые текстом коннотации, то есть сопутствующие элементы значения;

Текстонормативная эквивалентность ориентирована на текстовые и языковые нормы;

Прагматическая эквивалентность, которая ориентирована на реципиента текста.

Очевидно, что при переводе художественных текстов должны быть учтены и соблюдены все четыре указанных типа эквивалентности, так как качественный художественный перевод – это, по мнению Е. А. Алексеевой и Веллы Т. М., не только передача содержания, но и передача смысла оригинала, различных внеязыковых контекстов, которые содержатся в оригинале, и передача особенностей личности автора. В художественном переводе должна быть обеспечена эквивалентность не только форме оригинала, но и его эмоциональному, эстетическому и прагматическому воздействию [Алексеева, Велла, 2015]. Этой же точки зрения придерживается и Бахаа А. Хассан, в работе “Literary Translation: Aspects of Pragmatic Meaning” он пишет, что переводчики художественного текста должны отразить в тексте перевода все литературные особенности исходного текста, включая выбор лексики, передачу стилистических средств, эстетичность, что объясняет применимость всех четырех типов эквивалентности к художественному переводу [Hassan, 2015; 27-29].

1.3. Художественный и юридический переводы в контексте межкультурной коммуникации

Перевод – это факт истории и продукт целевой культуры. Переводческая деятельность — это культурный процесс, акт межкультурной коммуникации. Перевод включает в себя язык и культуру, т. к. эти два понятия взаимосвязаны. Считается, что язык отражает и формирует культурную реальность. Слова, тексты можно понять только в определенном культурном контексте, в котором они используются [Gambier, Katan, 2001: 84-85]. Перевод — процесс, в ходе которого переводчик, понимая исходный текст в его культурном контексте, переделывает его в текст, предназначенный для другой культурной реальности.

Любой перевод является аспектом межкультурной коммуникации и имеет свои особенности, вызванные тем, что оригинальный текст создавался в рамках определенной культуры. О трудностях художественного перевода, вызванных культурными различиями, пишет Ч. Райт (C. Wright): «Перевод – это текст, который первоначально был создан в другой культуре, не в культуре читателя, но этот текст вошел в культуру читателя, в новый *Kulturkreis*, и теперь функционирует за пределами границ культуры исходного текста». В творчестве писателя всегда ощутима связь с народом и культурой, т. к. авторское сознание формируется под непосредственным влиянием культурных ценностей и традиций, что напрямую отражается в языке, который, в свою очередь, создает формальную и содержательную сторону художественного текста [Wright, 2016: 12].

Любой художественный текст имеет сложное культурологическое пространство. Адекватность перевода национально-культурных особенностей текстов является одной из наиболее сложных задач художественного перевода. Любой художественный текст имеет культурологическое

содержание. Это не только культурно-исторические события, явления и объекты культуры, но также и денотативные и коннотативные значения слов.

Культурный фильтр является одним из основных понятий при изучении перевода как аспекта межкультурной коммуникации. Культурный фильтр можно определить как правила декодирования, которые формируются у человека как носителя определенной культуры. Это основа взгляда на мир, основа его восприятия [House, 2009: 17]. Являясь основой восприятия мира и окружающей действительности, культурный фильтр включает в том числе и стереотипы, которые непосредственно влияют на оценку человеком мира, а в частности, других культур [Емельянова, 2013: 153].

Культурный фильтр является причиной того, что одни и те же явления действительности воспринимаются по-разному представителями различных культур, что в свою очередь обуславливает возможность несовпадения ассоциаций, которые связаны с описанием определенных ситуаций действительности. Вследствие этого, для передачи общего смысла или необходимого коммуникативного эффекта в переводе одна предметная ситуация может быть заменена на другую, так, чтобы вызывать одинаковые ассоциации у носителей разных культур [Емельянова, 2013:154; Чайковский, Воронежская, 2014: 22-24].

При этом не стоит недооценивать важность взаимосвязи языка и культуры и в юридическом переводе. Язык, как культурный код нации, является инструментом проникновения и интерпретации правовой культуры, ментальности того или иного народа. Политико-правовая культура общества, его идеология, нравственные ценности отражаются в юридической понятийно-терминологической системе [Olsen, Lorz, 2009: 28]. Американская культура, в целом, считается культурой индивидуалистической, в отличие от коллективистской. Именно этим объясняется стремление американцев к состязательности, собственным карьерным достижениям, самостоятельности в решении жизненных проблем. Они придают большое значение принятым

правилам нормативным актам, письменным инструкциям, соблюдению контрактов, что обуславливает своеобразие американской юридической терминологии с чисто американскими терминами [Левитан, 2011: 61-62].

Например:

Substantive due process of law – процедура рассмотрения дела с надлежащим соблюдением норм материального права

Procedural unconscionability – процессуальная недобросовестность

Void for vagueness – не имеющий юридической силы из-за неясности

Promissory estoppel – лишение права возражения на основании данного обещания

1.4 Природа и особенности юридического языка

В настоящее время юридический язык рассматривается не просто как подстиль литературного языка деловой разновидности. Лингвисты и правоведаы задаются вопросом будет ли правильно, с научной точки зрения, говорить об отдельном языке права [Carone, Roggi, 2016: 9]. Они допускают, что даже если существует язык права, то он является частью естественного языка, специализированной частью обычного языка. Н. Д. Голев считает, что допустимо говорить об отдельном языке права. В этом контексте он пишет, что юридический язык является основной частью правовой системы [Голев, 2004: 39-42].

Юридический язык иногда относят к диалекту естественного языка, но мы полагаем, что подобная теория ошибочна, особенно, если опираться на территориальный критерий диалектов языка, а именно на географическое местоположение. Данная теория неполностью отражает суть понятия юридического языка. Однако считается возможным говорить о диалектах юридического языка в пределах одного языка [Zidan, 2015: 11-14]. Подобной точки зрения придерживается и П. Тиерсма. Он пишет о том, что диалекты

юридического языка следует выделять, например, в английском языке, между юридическим английским языком Великобритании, США и др. В рамках диалектов юридического английского языка одно и то же слово может иметь разные значения, понятия могут иметь разные наименования и т.д.: в США апелляционные суды подтверждают или отменяют решения нижестоящих судов, в Англии апелляционные суды разрешают апелляцию или отменяют её. Отрасли права США и Великобритании имеют разные наименования “*Corporate law*” в США – это “*Company Law*” в Англии [Tiersma, 1999: 42-44]. Среди устойчивых сочетаний следует отметить определенные различия между американским и британским диалектом английского юридического языка: *lawyer (AmE) / barrister (BrE) is admitted (AmE) / called (BrE) to the bar*.

О различии диалектов одного и того же юридического языка пишут также М. Томасек и Ф. Олсен. Они считают, что при переводе юридических текстов с одного языка на другой необходимо учитывать возможное наличие различных вариантов одного и того же языка, например, австрийский немецкий язык или немецкий язык в Германии; британский, австралийский, американский и т.д. варианты английского языка. Например, термин “*Verwaltungsakt*” (административный акт) в немецких языках Германии и Австрии будет иметь разный объем понятий и сферу употребления. Если сопоставлять понятия, обозначаемые терминами “*Verwaltungsakt*” в обоих вариантах языка, то следует сделать вывод, что термин ‘*Verwaltungsakt*’ при использовании в австрийском немецком языке для обеспечения удачной коммуникации и эквивалентности даже при переводе внутри одного языка следует заменить на термин “*Beschied*” в немецком языке Германии. Это также является доказательством того, что в юридическом переводе возникают трудности даже при интрасемиотическом переводе (переводе в рамках одного языка) [Olsen, 2009: 7-10].

Язык закона – общелитературный язык, но он имеет особенности, которые позволяют условно выделить юридический язык. По сравнению с

общелитературным, естественным языком, юридический язык иногда выделяют в искусственный язык в рамках того естественного языка, к которому он относится.

Что касается лексики юридического языка, то основная его черта – сложные и уникальные термины, которые в него входят. Часть из терминов одного юридического языка присуща многим другим юридическим языкам. При этом многие термины остаются уникальными в рамках одного конкретного юридического языка.

Специфику юридического языка можно объяснить тем, что он состоит из двух элементов – языка и права. На данный момент, понятие юридического языка не имеет точного определения, т.к. «юридический язык» рассматривают с разных аспектов, учитывая при этом его разнообразные функции – правотворчество, профессиональную деятельность юристов и т.д.

Согласно общему сложившемуся представлению о юридическом языке его можно определить, как социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях правового регулирования поведения субъектов общественных отношений [Шепелев, 2012: 217-218].

1.5 Характеристики английского и русского юридических языков

В рамках данной работы необходимо рассмотреть особенности английского и русского юридических языков для того, чтобы проследить сохранение/несохранение этих особенностей в переводе, влияние несовпадающих характеристик английского и русского юридических языков на перевод юридической лексики. Это объясняется тем, что художественные тексты содержат не только отдельные термины и терминологические сочетания, но и отсылки к известным юридическим актам и законам, которые

на ряду с основным повествованием включены в текст, нередко путем прямого цитирования.

Английский юридический язык архаичен, в нем соблюдаются строгие стилистические конвенции и четко определенные жанровые структуры. В нем существуют жесткие ограничения на всех уровнях, начиная от предложений, фраз, абзацев и заканчивая макроструктурой текста, постоянно присутствует использование стандартных форм и клише, часто архаичных и нетипичных для обычного текста. В юридических текстах также используются особые приёмы, служащие для связности текста, анафоры и катафоры, ссылок на другие тексты.

«Застывшие», клишированные формы юридического языка позволяют использовать в переводе только незначительные изменения или никаких. Подобные клишированные формы часто называют «шаблонами» (routines) [Natim, Mason, 2013: 190] и их можно перевести, только подобрав эквивалентные им шаблоны в языке перевода.

Юридический язык считается сложным, запутанным, странным. Подобное восприятие можно объяснить тем, что он не только служит отражением юридической мысли и рассуждений, но и средством вербализации высокопарности и «напыщенности», традиционно ассоциируемой с юридическими профессиями.

Каждое предложение юридического текста содержит значительный объем информации, что и объясняет наличие длинных предложений, сложных синтаксических структур. Частое обращение к такому виду синтаксической связи как гипотаксис, большое количество придаточных предложений и часто встречающаяся синтаксическая непоследовательность относятся к особенностям юридического текста. Длина предложений также является причиной того, что юридический текст должен иметь особую визуальную связность, которая должна быть прервана настолько редко, насколько

позволяют нормы языка. Длинные предложения, в которых мало знаков препинания являются скорее правилом, чем исключением [Febrero, 2004: 31-33]. Небольшое количество знаков препинания является одной из ярких черт письменного юридического языка (юридических документов), так как знаками препинания часто пренебрегали, считая, что их использование мешает правильному прочтению текста, однако это только препятствовало пониманию текста, и в настоящее время появляется тенденция соответствия пунктуации грамматической структуре.

Как отмечает П. М. Тиерсма, английский юридический язык с одной стороны очень трудный и консервативный, а с другой стороны может быть в высшей степени инновационным и креативным [Tiersma, 1999: 39-40].

Большинство аспектов юридического английского языка направлены на точность передачи необходимой информации и минимизацию двусмысленности интерпретации. Но эта точность наряду с используемой лексикой «отдаляет» людей, чья профессиональная деятельность не связана с юриспруденцией.

Тем не менее, юридическому языку одновременно с точностью присуща неопределенность, которая выражена в словах, семантика которых не достаточно четкая. Выделяется три основных аспекта, являющихся причиной неопределенности юридического языка:

1. Тенденция обобщать, а не быть точным;
2. убежденность в том, что реальность может отличаться в зависимости от интерпретации и точки зрения;
3. отсутствие точности и четкости внеязыковой реальности, что является причиной того, что термин, называющий понятие такой реальности, не может быть точным.

Намеренная неясность, уклончивость может быть реализована, например, посредством использования эвфемизмов. В юридическом языке

эвфемизмы употребляются с разнообразными целями, одна из основных их целей – это стремление избежать использования того, что может прозвучать грубо, непристойно. Эвфемизм не только «оружие» юридического языка, но также и лингвистическое средство, которое используется для того, чтобы юристы смогли общаться на языке, который окружающие не смогут полностью понять. Юристы охотно обращаются к эвфемизмам. В качестве примеров можно привести следующее:

“to fail to come up to proof” значит соврать,

“Correctional facility” в американском английском юридическом языке означает «тюрьма».

“Detention during Her Majesty’s pleasure” – задержание на неопределенный срок

“Standing mute by visitation of God” – религиозный перифраз, который означает, что обвиняемый имеет физическую или умственную недееспособность и не может отвечать по предъявленным обвинениям.

Юридический английский язык, несомненно, варьируется в зависимости от сферы и места употребления, является ли он письменным или устным, и от степени формальности. Тем не менее можно выделить его основные особенности. Среди основных черт юридического английского языка принято выделять его стандартизованность, использование клишированных фраз и выражений, устойчивых словосочетаний, насыщенность терминами, в том числе латинскими терминами и терминологическими сочетаниями, общенаучными словами, архаичной и устаревшей лексикой [Alcaraz, Hughes: 2014: 22]. Заимствования из французского языка являются значительным компонентом юридической лексики английского языка (*entrance, accept, assurance*). Существуют также французские, латинские заимствования, которые сохранились в своей исконной форме, хотя и стали фонетически ассимилированными в английском языке. Они сохранились еще со времен,

когда юридическими языками Англии были латинский и французский. Некоторые из этих терминов и терминологических сочетаний составляют активный словарь юридического английского языка. Они встречаются, например, в таких устойчивых сочетаниях, как: *terms and conditions, goods and chattels, breaking and entering* [Alcaraz, Hughes, 2014:18-23].

Среди терминов юридического английского языка много терминов чисто латинского происхождения, из них выделяют термины и терминологические сочетания, которые сохранили свою исходную графическую форму, но были фонетически ассимилированы – *absente reo, ab initio, abjuratio* – и те, которые были также грамматически и графически ассимилированы: *to impugn, to sequester* (изолировать, удалять), *to prorogue* (to end a Parliamentary session – Parliamentary law) [Febrero, 2004: 31]. Для юридического английского языка характерно наличие устаревших форм несмотря на то, что встречаются они не часто, переводчик должен быть готов к работе с ними. Чаще всего устаревшие формы можно встретить, когда текст перевода имеет цитату более ранних текстов или документов:

“this indenture made the ninth day of May 1887... witnesseth that”

Архаичные фразы, или устаревшие словоупотребления можно встретить и во многих современных юридических текстах. Например, *an action sounding in damages. It does not lie in the defendant’s mouth to say that...* [Alcaraz, Hughes, 2014: 25-27].

Синонимические пары близких по значению слов и сложные синтаксические конструкции, цель которых уточнение значения, часто используются в юридических текстах [Левитан, 2011: 47]. Также следует отметить, что в юридическом английском языке выделяют «чрезмерное» использование пассивных конструкций, безличных форм глагола, которые призваны служить бесстрастности и нейтральности языка. Частое использование герундия и его оборотов, и весьма ограниченное использование

личных форм глаголов, например, по типичной модели *modal auxiliary (usually shall) + BE+ past participle*.

Изучение языка права как самостоятельного явления русского языка является довольно новым предметом изучения, и в настоящее время немного исследований посвящено этой проблеме. Даже это незначительное количество исследований позволяет утверждать, что русский юридический язык, как и английский, имеет свои специфические черты.

В развитии современного русского юридического языка можно выделить два основных направления: тенденция к усложнению языка путем ввода новых слов, неологизмов и заимствований, и стремление к упрощению языка.

Язык юристов законодателей не является общедоступным, поэтому его упрощают посредством унификации и юридической интерпретации. Среди работ исследователей, занимающихся этим вопросом, следует отметить работу Е. С. Шматовой, которая в своей статье «Язык права и язык закона в дихотомии лингвистических исследований» пишет о следующих особенностях русского юридического языка [Шматова, 2012: 251-254]:

1. Высокая частотность употребления терминов. В юридических текстах используются не только юридические термины, но и термины из других областей знания и разных функциональных стилей. Например: «*сокрытие*», «*недопоставка*» (официально-деловой стиль), «*пьянство*», «*попрошайничество*» (разговорный стиль). В текстах также можно встретить и слова, имеющие коннотативную окраску («*пособник*» – неодобр.). Значительная часть юридической терминологии русского языка – терминологические сочетания («*явка с повинной*»);
2. активное образование новых слов путем существующих продуктивных словообразовательных моделей: «*подсудность*», «*довзыскание*», «*наказуемость*», «*управомоченный*»;

3. активное использование штампов и клишированных форм «в крупном размере», «более мягкий вид наказания»;

4. юридическая лексика русского языка нередко сочетается управлением. «презумпция невиновности», «явка с повинной»;

К особенности русского юридического языка также можно отнести особый порядок слов и употребления однородных членов.

5. высокая частотность употребления однородных членов предложения, рядов синонимов, служащих цели уточнения значения. Однако следует обратить внимание на то, что в качестве однородных членов предложения часто используются неоднородные, несопоставимые лексические единицы, которые при этом являются разными членами предложения. Например, в статье 184 УПК РФ в качестве однородных членов соединены «При наличии» и «в порядке»:

При наличии оснований и в порядке, которые предусмотрены частями первой и третьей статьи 182 настоящего Кодекса, производится личный обыск подозреваемого, обвиняемого в целях обнаружения и изъятия предметов и документов <...>.

1.6 Основные характеристики юридического дискурса и особенности юридического перевода

Для изучения вопроса юридического перевода, следует, прежде всего, обозначить его границы. Юридический перевод попадает в группу специализированного перевода или технического перевода. Юридический перевод имеет специфические черты технического перевода. В широком смысле юридический перевод – это перевод всего, что включает в себя понятие юридический дискурс. Существует множество подходов к определению юридического дискурса. В.К. Батиа, Кристофер Н. Кандлин, Ян Энгберг пишут о том, что юридический дискурс – это использование юридического

языка в различных юридических жанрах и подстилях [Bhatia, Candlin, Engberg, 2008: 9-11]. Дж. Брокман и Ф. Флиракерс расширяют понятие юридического дискурса и пишут о том, что юридический дискурс подразумевает любую деятельность на юридическом языке или связанной с ним: это не только письменные юридические документы, но и различные виды устной коммуникации юристов, судей, законодателей и др. [Broekman, Fleerackers, 2017: 3-7]. В данной работе юридический дискурс будет рассмотрен в рамках его широкого определения, т. к. художественные тексты содержат моделирование автором живого общения судей, юристов и т.п.

Основываясь на подобном подходе к определению дискурса, Дж. М. Конли и В. М. О'Барр выделяют следующие его типы: письменный дискурс адвокатов, судей, законодателей, работы ученых о законе и праве; устная речь в учреждениях права [Conley, O'Barr, 1990: 20]. О. В. Косоногова и М. Н. Федулова предлагают выделять следующие типы устного юридического дискурса: публичная речь (напр. адвокатов) – обвинительные или оправдательные речи судей, речь адвокатов, допросы свидетелей и т.д. [Косоногова, 2015: 61-63; Федулова, 2015: 47-49].

Юридический перевод разделяется на несколько видов. Основной классификации нередко является тип письменного текста. Письменный текст (закон, нормативно-правовой акт и т.д.) – основной тип юридического дискурса, который часто ставится объектом перевода. Для повышения качества переводов юридических текстов и упрощения процесса перевода необходимо учитывать классификацию юридических текстов, так как переводческие решения и стратегии напрямую зависят от типа текста.

Классификация по типам текстов является основой классификации видов юридического перевода. Например, по предмету текста на языке перевода юридический перевод подразделяется на перевод внутренних законов государства или международных договоров, перевод частных юридических документов, перевод научных работ по юриспруденции, перевод

судебных прецедентов. Юридический перевод также делится по статусу исходного текста на перевод действующих законов и перевод законодательных текстов, как, например, научные работы. С. Сарсевик предлагает делить юридические тексты на следующие виды: 1) в основном предписывающие: законы, нормативы, контракты, договоры и конвенции. Эти тексты содержат правила, регулирующие поведение или юридические нормы. 2) В основном описательные, но также частично предписывающие. К таким текстам относятся судебные решения, судебные документы, апелляции, петиции, ходатайства и т.д. 3) Чисто описательные: научные работы, учебники по праву, научные статьи по юриспруденции и т.д. С. Сарсевик определяет юридический перевод как коммуникацию со специальной целью между юристами и не юристами [Sarsevic, 2000: 16-18]. Д. Као делит юридические тексты на четыре группы: судебные, законодательные, научные юридические и частные юридические тексты (договоры, завещания и т.д.) [Cao, 2007: 19-21]. А. Тросборг предлагает делить не юридические тексты на группы, а юридический дискурс, и выделяет следующие его виды: юридические документы, язык суда (*language of the courtroom*), юридический язык в учебниках, речь юристов и речь непрофессионалов, говорящих о законе [Trosborg, 1992: 38]. Любой тип юридического текста или подстиль юридического дискурса имеет свои особенности, которые необходимо учитывать в переводе, и знать статус и коммуникативную цель, как оригинала, так и перевода.

А. С. Киндеркнехт определяет юридический перевод как вид специализированного перевода, который обслуживает правовую сферу коммуникации и отмечает, что «чаще всего это перевод материалов, необходимых для обмена информацией на юридическую тематику и осуществления коммуникации между людьми, владеющими разными языками» [Киндеркнехт, 2013: 242-243].

Юридический перевод как особый вид переводческой деятельности тесно связан с юридической компаративистикой. Они связаны не только областью знаний, но и в методологическом плане. Перед началом перевода необходимо сравнить определенное явление юриспруденции в системе права языка перевода и системе права исходного языка, для того чтобы выполнить адекватный перевод текста. Не вызывает сомнений тот факт, что для перевода юридического текста необходимо провести работу по сравнению правовых систем и терминов, входящих в оригинальный текст, и их предполагаемых эквивалентов в языке перевода, чем и занимается такая дисциплина как юридическая компаративистика. Несмотря на то, что перевод терминов является одним из основных аспектов юридического перевода, сам процесс перевода не сводится исключительно к переводу терминов и поисков к ним эквивалентов [Glanert, 2014: 14-15].

Переводчики юридических текстов изначально придерживались принципа верности оригинальному тексту. Основной задачей переводчика считалось реконструировать форму и сущность текста-оригинала настолько близко, насколько это возможно. Этому принципу пословного перевода и сегодня придерживаются некоторые юристы. Многие предполагают, что перевод законодательных и нормативных текстов требует абсолютную буквальность. Впоследствии многие юристы-переводчики стали варьировать требования, предъявляемые к переводу, в зависимости от цели текста-перевода (например, тексты, предназначенные для информации или ознакомления, могут быть переведены свободно). Тем не менее, юридические тексты не предоставляют переводчику возможности для творчества и свободного перевода, так как переведенные тексты должны быть максимально близкими тексту перевода и могут, в определенных случаях, иметь ту же юридическую силу, что и оригинальный текст. Нечасто перевод юридических текстов, в том числе документов, имеет ту же юридическую силу, что

оригинальный текст, тем не менее, существуют исключения, так как некоторым правовым системам характерен мультилингвизм.

Мультилингвизм в правовых системах может быть эффективным и применимым, только если гражданам гарантировано равенство перед законом вне зависимости от языка, на котором они говорят. В качестве примеров перевода юридических текстов, равнозначных подлиннику можно привести национальные законы многоязычных государств с несколькими национальными языками на федеральном уровне (Канада, Швейцария). Подобные тексты должны обладать одинаковым значением, эффектом, воздействием и целью.

Юридический перевод имеет свою специфику, по сравнению с другими видами перевода, в силу этого перед переводчиком юридических текстов ставятся особые задачи. Одна из основных проблем, с которой сталкивается переводчик – это определение того, в чем текст оригинала должен совпадать с текстом перевода и в чем может не совпадать. Основными параметрами для сопоставления оригинала и перевода являются структура, семантика и потенциал воздействия [Левитан, 2011: 53-54]. Тексты оригинала и перевода должны обладать одинаковым регулятивным воздействием, что обеспечит эквивалентное восприятие реакций реципиентов обоих текстов. Тексты перевода должны соответствовать стилю того юридического языка, на который осуществляется перевод. Терминология оригинального текста должна быть точно передана в языке перевода, в том числе и семантика безэквивалентных терминов. Все стоящие перед переводчиком юридических текстов задачи направлены на достижение максимально возможной эквивалентности текстов оригинала и перевода и на обеспечение удачной коммуникации.

1.7 Эквивалентность в юридическом переводе

Достижение эквивалентности и адекватности перевода юридического текста ставит перед переводчиком особые задачи, которые объясняются, прежде всего, различиями правовых систем. Если учитывать все сложности и трудности юридических языков, то можно задаться вопросом, возможно ли достижение необходимой эквивалентности в юридическом переводе. Как отмечает Увэ Кишел (Uwe Kischel) у юристов и лингвистов существует множество точек зрения относительно этого вопроса. Среди разнообразных точек зрения следует выделить идею о том, что юридический перевод – это миф, эквивалентность в нем недостижимая цель [Olsen, Kischel, 2009: 8-12]. Данная точка зрения базируется на основных проблемах сравнительной юриспруденции: лингвистически эквивалентные термины во многих случаях будут не совпадать по объемам понятий и сферам употребления в разных юрисдикциях. Юридическая значимость концептов может значительно различаться в разных языках, взаимосвязи понятий и концептов внутри системы юридического языка, а также юридическая культура влияют не только на значение и употребление терминов, но и на их практическое употребление. В результате такого несоответствия при переводе юридических текстов следует отвечать не на вопрос какой перевод верный, а какой перевод менее неверный.

Частично поддерживая подобную точку зрения, С. Сарсевич пишет, что в юридическом переводе часто можно столкнуться с непереводаемыми единицами языка. К непереводаемым, в частности, относят юридические понятия, которые чужды языку перевода или в нем не существуют. Многие исследователи придерживаются мнения, что ни одна лексическая единица китайского языка не может отобразить значение терминов юридической системы стран общего права [Sarsevic, 2000: 91]. Подобные идеи иногда ставятся под сомнение, и лингвисты задаются вопросом, являются ли подобные утверждения верными или это преувеличение. Идеи о невозможности достижения эквивалентности в юридическом переводе

оспариваются на практике. Опыт выполнения переводов показывает, что переводить юридические тексты, например, законы, не только возможно, но нередко получается достичь хорошего, качественного перевода. Очевидно, что в процессе перевода переводчики сталкиваются с различными трудностями и проблемами, однако большинство из них являются разрешимыми.

Одно из основных препятствий для того, чтобы юридический текст был повсеместно одинаково истолкован, интерпретирован и был применим – прежде всего, различия правовых систем. В некоторых случаях, достижение одинаковой интерпретации текста на практике почти невозможно, что может быть вызвано существенными различиями правовых систем. Очевидно, что процесс перевода может быть значительно упрощен в случае, если языки текста оригинала и текста перевода принадлежат одной правовой системе [Сао, 2007: 36; Way, 2016:14-17].

Тип текста и содержащаяся в нем информация являются аспектами, которые определяют особенности юридического перевода и оказывают непосредственное влияние на выбор конкретных переводческих действий в рамках стратегии перевода.

В процессе перевода юридических текстов переводчику следует соблюдать технику юридического перевода, которая, согласно В. Калине, может быть определена как совокупность правил, средств, способов и приемов осуществления успешной межкультурной коммуникации в области юриспруденции на основе знания юридической терминологии и стилистики юридических текстов различных разновидностей на ИЯ и ПЯ при обязательном владении понятиями права и свободной ориентации в концептуальных юридических картинах мира коммуникантов [Калина, 2014: 3-5].

Особенности языка права и профессиональная коммуникация в сфере права обуславливают специфику юридического перевода. Любой национальный язык права обладает рядом особенностей, которые определяются взаимосвязью со соответствующей правовой системой конкретного государства. Несмотря на то, что правовые системы отдельных государств, в частности, например, стран континентальной Европы имеют сходные правовые системы, каждое государство имеет собственный правопорядок, свои специфические правовые нормы, свои традиционные формы, процедуры судопроизводства и собственный язык права с соответствующей понятийно-терминологической системой. Перевод юридических текстов с одного языка на другой предполагает не только переход от одного языка к другому, но и одновременно переход от одной правовой системы к другому миру права. Как правило, наиболее сложными областями юридического перевода считаются семейное и процессуальное право, административное устройство государства. Меньше всего трудностей для переводчика представляет международное право, торговое право и т.д. [Morris, 1995: 33-40; Левитан, 2011: 8].

Для осуществления качественного перевода юридического текста необходимо не только подобрать эквивалентные лексические единицы в языке перевода, но по возможности максимально приблизить текст перевода к нормам, концепциям и особенностям того юридического языка, на который осуществляется перевод.

1.8 Проблемы перевода юридической лексики и терминологии

В юриспруденции можно найти следующее определение юридической лексики. Юридическая лексика – это словарный состав современного языка, которым пользуются юристы, законодатели и т.д. в своей профессиональной деятельности. Юридическую лексику или лексику права принято делить на две категории: это лексика правоведения и лексика права. Первая категория

включает лексику юридических текстов, которая имеет научный характер, ее основой являются термины. Вторая категория включает слова правоприменительной практики, которые обладают значениями меньшей теоретичности [Червонюк, 2003: 305-307].

С лингвистической точки зрения, понятие «юридическая лексика» включает не только термины, оно включает более широкий класс лексических единиц. К юридической лексике относятся также общеупотребительные слова, которые сохраняют в юридических текстах свои общепринятые значения, кроме того, к юридической лексике относят профессионализмы, латинизмы, аббревиатуры и идиомы. Однако именно терминология является ядром юридической лексики и вызывает особые трудности при переводе, именно она чаще всего подразумевается под юридической лексикой: «Говоря о юридической лексике, мы, в первую очередь, подразумеваем терминологию.» [Безуглова, Кузнецова, 2016: 177-178]. При этом вопрос, какие лексические единицы могут иметь статус термина, является спорным. В данной работе терминами будут считаться не только имена существительные, но и глагольные формы, наречия и прилагательные, как предлагают такие терминоведы, как К. Я. Авербух и В. М. Лейчик. Под юридической лексикой в данном исследовании, основываясь на работах А. А. Кузнецовой, О. А. Безугловой, П. Тиерсмы, А. Тросборг, мы понимаем юридическую терминологию, латинизмы, профессионализмы, аббревиатуры, а также общеупотребительные лексические единицы, которые участвуют в формировании юридического дискурса [Trosborg, 1992: 23; Безуглова, Кузнецова, 2016: 177].

Юридическая терминология – словесные обозначения понятий, используемых при содержании закона (иного нормативного юридического акта) [Алексеев, 2010: 479].

Существует несколько определений «юридического термина». В статье «Англоязычные юридические термины: оптимизация процесса обучения»

А. Г. Анисимовой, М. А. Архиповой дается следующее определение: «юридический термин – это слово, которое употреблено в законодательстве, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, отличается смысловой однозначностью и функциональной устойчивостью» [Анисимова, Архипова, 2014: 295]. Данное определение, на наш взгляд, является ошибочным, так как многие термины являются многозначными, что противоречит «смысловой однозначности», которая указана в определении. О полисемантности терминов пишут многие терминоведы, например, С. В. Гринев-Гриневиц, В. М. Лейчик, которые в своих работах указывают на то, что термины по своей структуре делятся на однозначные и многозначные [Лейчик, 1992: 89; Гринев-Гриневиц, 2008: 56]. Полисемантность юридического термина может быть вызвана его функционированием в разных отраслях права: термин “admission” в гражданском судопроизводстве имеет следующее определение: “a statement by a party to litigation or by his duty authorized agent that is adverse to the party case”; в уголовном судопроизводстве – это “statement by the defendant admitting an offence or a fact” [Law, Martin, 2009: 17-18]. Термины русского юридического языка также могут быть многозначными, к примеру, термин «санкция» в зависимости от области его применения может иметь следующие значения: 1) часть правовой нормы, статьи закона, в которой указаны последствия нарушения этого закона; 2) в международном праве – это меры воздействия на государства, нарушающие международные права и т.д. [Левитан, 2100: 37]. Утверждение о «точном и определенном смысле» является спорным, так как абстрактность, отвлеченность юридических понятий является одной из особенностей юридического языка и нередко является причиной неоднозначного толкования юридических документов, даже если в них используются узкоспециальные термины [Plynska, Platonova, 2016: 141-142].

В данной работе под юридическими терминами понимаются «элементы юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых

понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [Сухарев, 2007: 81].

Термины юридического языка, как и другого языка для специальных целей, делятся на несколько групп. Например, термины, относящиеся только к сфере юриспруденции (*promissory estoppel, replevin*). Некоторые термины, используемые юридическом языке, могут относиться к общеупотребительным словам, но иметь специальное значение в указанной сфере, также в юриспруденции используются термины из других областей знаний. В таком случае, считается, что термин другой области знаний, используемый в языке права, становится (также и) юридическим термином [Galdia, 2009: 18].

Если рассматривать термины диахронически, следует отметить, что употребление устаревших терминов или сочетаний может иметь стилистическую окраску. (*Null and void. Terms and conditions*)

В настоящее время юридическая терминология английского языка активно развивается, устаревшая терминология заменяется новой, более простой и понятной. Устаревшие, привычные термины юридического языка заменяются общеупотребительными словами языка: *mareva injunction – freezing injunction, ex parte – without notice*, или введенными неологизмами, которые могут относиться к разговорному английскому языку: *dick wrap license*. Подобные изменения могут представлять проблемы для перевода как с английского на русский, так и с русского на английский, так как переведенный текст должен соответствовать современному состоянию развития терминологии.

Проблема перевода терминологии является одной из основных проблем перевода юридических текстов. Все это определяется комплексом причин, среди которых следует выделить трудности, связанные со специфическими характеристиками юридического термина; трудности, возникающие из-за несовпадения правовых систем государств, следовательно, из-за расхождения

объемов понятий, передаваемых терминами-аналогами; а также трудности, вызванные существованием специфичных единиц, которые являются специфичными для одной системы терминов, и, следовательно, их переводческие эквивалентные соответствия отсутствуют в другой правовой системе.

С позиции когнитивной лингвистики любой термин специального языка означает определенный концепт и является его лингвистической репрезентацией. Термины юридического языка также могут быть рассмотрены как реализация определенного концепта. Когнитивная лингвистика предлагает свои способы перевода юридических концептов и выделяет три основных случая взаимодействия концептов разных юридических языков:

1. Концепт имеет эквивалент в языке перевода. Например “theft” – кража “agreement” – договор, “bankruptcy” – банкротство;
2. Юридический концепт не имеет точного эквивалента на языке перевода, но в языке перевода имеется схожий концепт: LLC – общество с ограниченной ответственностью;
3. В языке перевода нет близкого или схожего концепта [Udina, 2015; Galdia, 2009: 43].

Последняя группа представляет особые трудности для перевода. Отсутствие в языке перевода близкого или схожего концепта может быть вызвано тем, что терминология, встречающаяся в оригинальном тексте, не достаточно хорошо разработана и не развита в языке текста перевода. Языки развиваются, развиваются терминологии, например, появляются новые термины, которые обозначают понятия, ранее не существовавшие в науке, экономике и юриспруденции. В таком случае переводчик должен найти наиболее близкий эквивалент, для того, чтоб найти наиболее удачный вариант перевода, переводчик должен обладать не только высоким уровнем владения иностранным языком, но и глубокими фоновыми знаниями. Введение

неологизма (с переводческим комментарием) является одним из вариантов решения данной проблемы.

Термин исходного языка может передаваться несколькими терминами в языке перевода, поэтому переводчик должен решать задачу адекватного перевода термина, учитывая область применения предполагаемых переводных соответствий, их стилистическое значение, частотность употребления и т.д.

Если сопоставить американскую и британскую юридическую терминологию, то можно выявить, что в них существуют различия на уровне национально-культурного компонента даже у терминов, которые обозначают универсальные понятия права. Например, «ордер на арест» будет эквивалентен американскому “arrest warrant” и британскому “bench warrant”. При переводе этих терминов необходимо учитывать специфику права Великобритании и США. Учет специфики законодательной и правовой системы стран, безусловно, предполагает умение переводчика ориентироваться в правовых системах. Существование корпуса единых базовых юридических понятий не исключает расхождения объемов понятий, передаваемых терминами-аналогами. Термин “attorney” может иметь в русском языке эквиваленты: 1 адвокат 2 атторней 3 прокурор [Клюшина, Здор, 2016: 54-58]. При переводе американских юридических текстов следует знать, что термины “jail”, “prison” неполные синонимы. Их важное семантическое различие указывает на срок тюремного заключения и соответственно на тяжесть совершенного преступления. Если этот срок не превышает одного года, то пенитенциарное учреждение, где исполняется наказание – “jail”, а если срок больше года, то – “prison”. Такое различие обусловлено историей развития исправительно-трудовых учреждений США.

Проблемы, вызываемые определенными трудностями перевода, стали причиной того, что было выдвинуто предложение передавать все ключевые термины юридических языков стран запада на латинском языке, для

облегчения коммуникации и облегчения процесса юридического перевода [Kjær, Madsen, 2016: 25].

Латинский язык оказал значительное влияние на юридическую лексику английского языка. Несмотря на то, что многие термины юридического английского языка, имеют исконное происхождение, влияние римского права и, как следствие, латинского языка, на котором оно функционировало, является очевидным. Даже в современном английском юридическом языке множество терминов и фраз, которые с большой частотностью используются в текстах, сохраняя свое латинское написание: *nulla poena sine lege* (нет наказания без устанавливающего его закона) и др. Сделать выбор о переводе или сохранении латинского языка переводчик должен опираясь на традиционную практику в принимающей культуре и ее юридических текстах. Например, *restitutio in integrum* можно оставить в тексте на латинском языке, но можно перевести термином современного английского языка “restitution” [Carone, 2016: 59; Way, 2016: 37].

Однако идея об использовании латинского языка не может быть реализована, так как, несмотря на наличие в юридических языках латинских терминов и терминологических сочетаний, ценность и значимость латинского языка в пределах правовой коммуникации является весьма ограниченной. Это означает, что проблема перевода юридических терминов не потеряет свою актуальность.

1.9 Юридическая лексика в художественном тексте постмодернизма

Современный англоязычный роман характеризуется как комплексный жанр, сочетающий в себе различные формы и стили. Английский исследователь Р. Фаулер полагает, что анализ художественного текста предполагает изучение единства формы и содержания. Форма художественного произведения, как показывают литературоведческие

исследования, содержательна и, следовательно, может дать представление о личности автора, его точки зрения на то, что изображается [Fowler, 1981: 103].

Язык художественного текста, как отмечает Валгина Н. С., создается автором, но, будучи нацеленным на читателя, исходит из максимально эффективной линии коммуникативной цепи: текст-читатель. Художественный текст изначально создается автором как средство опосредованного обращения к читателю, как целостное произведение, имеющее в качестве своей цели воздействие на сознание читателя [Валгина, 2003: 12-14].

Читатель-носитель культуры, исходя из своего личного опыта, расшифровывает систему экспрессивных единиц и имплицитно выраженных смыслов. Перед переводчиком художественного текста стоит задача глубинного проникновения в текст для того, чтобы читатели принимающей культуры имели достоверное представление не только о содержании текста и наличии в нем стилистически маркированных единиц, но и об особенностях языка и стиля автора

Направленность художественного текста на достижение эмоционального и эстетического воздействия на читателя является определяющим фактором, организующим систему языковых средств в единое целое текста, как образно-речевой структуры. Художественный текст «не ограничивается интеллективной стороной передаваемого сообщения, а связан с определенным воздействием на чувства путем создания особых эффектов и впечатлений и служит для передачи различных экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов» [Филимонова, 2007: 29-31]. Подход к художественному тексту с позиции дискурсивной лингвистики позволяет рассматривать языковые явления не только с точки зрения их лингвистических особенностей, но и раскрыть механизмы их функционирования в рамках соотношения «автор – текст – читатель», обосновать их роль в создании внутреннего мира художественного текста и возможности для интерпретации читателем. Дискурсивность современного художественного текста считается

комплексной категорией, которая сочетается с элементами политического, экономического и юридического дискурса, все элементы которого связываются в единое целое замыслом автора и его моделированием художественной реальности.

Роман постмодернизма, а именно, эстетика и философия постмодернизма – это переосмысление истории, философии, социальной жизни общества, политики. Литература всегда взаимодействовала с идейно-философскими течениями времени, и современная литература не исключение. Вовлеченность современной личности в различные сферы отражается в литературных произведениях. В современных произведениях прослеживается тенденция к объединению в рамках одного произведения различных образных мотивов и приемов, заимствованных, в том числе, и из области юриспруденции.

Современная англоязычная литература, по мнению П. Чайлдза, П. Уидоусона и др. отличается ярко выраженными чертами интертекстуальности, что можно проследить на выбранных произведениях. Наряду с основным повествованием в текст включены отсылки к известным юридическим актам и законам, нередко применяется и прямое цитирование. Сочетание элементов юридического стиля с традиционным нарративом позволяет автору по-новому моделировать художественную реальность [Childs, 2005: 73; Widdowson, 1998: 18]. Использование юридической тематики позволяет переосмыслить границы юридического языка, сочетать архаичность и современность языка, иначе использовать язык как предмет изображения и, следовательно, делать текст интересным для читателя, так как традиционные формы теряют актуальность.

Реализация художественного дискурса постмодернизма осуществляется посредством категории интердискурсивности. Н. С. Олизько в работе «Интердискурсивность как категория постмодернистского письма» отмечает, что в произведениях постмодернизма явно прослеживается тенденция к

объединению в рамках одного произведения различных образных мотивов и художественных приемов, заимствованных у многих историко-культурных эпох [Олизько, 2007: 95-98]. Принципиально размытое и открытое постмодернистское пространство вбирает в себя максимальное число текстов, написанных в различные эпохи и в различных регистрах и функциональных стилях.

Постмодернистский художественный дискурс обнаруживает связи не только с литературой как знаковой системой, но и музыкой, живописью, правом и экономикой. Художественный дискурс как разновидность бытийного общения представляет собой развернутый, предельно насыщенный разнообразными смыслами диалог автора, читателя и текста. Автор организует художественный текст так, что сближение элитарной и массовой культур, активное смешение стилей и жанров, цитатность становятся основными чертами современного художественного текста. Таким образом, текст постмодернизма расширяет границы художественного текста, задействует в повествовании различные области знания и общественной жизни, и при этом предстает как единое целое, как воплощение стиля мышления и речи автора, где все компоненты взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Элементы юридического дискурса в художественном тексте отражают не только типичные черты данного типа дискурса, которые реализуются в моделировании социальных отношений и ситуаций общения на профессиональные темы, но также художественный текст содержит элементы цитирования, одновременно демонстрируя влияние профессии на образ мышления и индивидуальность и приближая художественный текст к реальной жизни, в которой тесно взаимодействуют разнообразные контексты.

1.10 Лексические и стилистические трансформации как приемы перевода

В процессе перевода может возникать необходимость применения некоторых преобразований к единицам исходного текста для передачи

точного смысла и содержания оригинала в переведенном тексте. Подобные преобразования определяются как переводческие трансформации [Комиссаров, 1990: 208-220]. Трансформации преобразуют не только форму, но и значение исходных единиц. Среди трансформаций, которые могут быть применимы к переводу юридической лексики в художественном тексте следует выделить: калькирование, конкретизация, генерализация, смысловое развитие, антонимический перевод. Среди трансформаций, выделяемых В. Н. Комиссаровым, считается возможным не рассматривать в рамках данного исследования грамматические замены, членение и объединение предложений, транскрибирование и транслитерацию, так как преобразования, касающиеся грамматики и синтаксиса не соответствуют проблеме, изучаемой в данной работе, а вопрос относительно включения транскрипции и транслитерации в трансформации перевода является спорным. Классификацию В. Н. Комиссарова считается необходимым дополнить таким приемом как опущение, который выделяет Л.С. Бархударов [Бархударов, 1975: 226-227], так как в художественном тексте может быть опущена юридическая терминология, использованная в оригинальном тексте. Л. К. Латышев выделяет не рассматриваемый другими лингвистами тип трансформаций – стилистические трансформации [Латышев, 2005: 87]. Стилистические трансформации в переводе подразумевают изменение стиля оригинала, придание тексту перевода другой стилистической окраски. Для того, чтобы говорить о стилистических трансформациях, необходимо, прежде всего, разобрать понятие «стиль».

Согласно словарю стилистики К. Уэлс, стиль – это определенный набор лингвистических особенностей, которые определенно характеризуют регистр, жанр, период и т.д. Существует несколько подходов к определению стиля; стиль – манера выражения, определенный набор особенностей, вариант, выбранный среди множества альтернативных вариантов выражения идеи, отклонение от нормы. Стилистические трансформации связаны, прежде всего,

с изменением стиля относительно оригинального текста. В таком случае стиль оригинала можно считать нормой, а любые отклонения от стиля оригинала (нормы) – выбираемые переводческие решения [Wales, 2014: 45-47]. Выбор переводчика может быть сделан в сторону снижения стиля оригинала, или, наоборот, его возвышения, замене одних стилистических приемов другими и т.д.

Стилистические приемы, которые используются в оригинальном тексте и создают его экспрессивность представляют особую трудность при переводе художественного текста. Стилистические приемы являются способом выражения экспрессивности текста. Экспрессивность определяется выразительностью, изобразительностью и воздействующей силой, в широком смысле под экспрессивностью текста понимается его «не-нейтральность». М. Г. Бондаренко, Н. А. Лукьянова, В. И. Цолер пишут о том, что экспрессивность – это способность языковых средств иметь изобразительно-выразительную функцию при осуществлении основной функции, передачи значения. Для создания экспрессивности в художественном тексте нередко используют как синтаксические, так и лексические стилистические приемы [Зотова, 2010: 14-16]. Художественный перевод имеет особые задачи, одной из которых является передача стилистических средств. Передача стилистических средств при переводе должна быть адекватной, то есть при переводе должна быть передана семантическая, эмоционально-оценочная, экспрессивная, эстетическая информация, иначе текст перевода не будет эквивалентен оригиналу. Стилистические трансформации текста перевода, как правило, являются отклонением от «нормы», которой является стиль оригинального текста. Следовательно, для изучения вопроса стилистических трансформаций, необходимо проанализировать и выявить стилистические особенности оригинального текста, чтобы определить какие переводческие решения были использованы в переводе или какие следовало бы применить. Для анализа стилистики оригинала следует разобрать лексические и

синтаксические стилистические приемы, которые используются для придания тексту экспрессивности. К наиболее часто используемым стилистическим приемам на лексическом уровне относятся следующие:

Метафора – это перенос названия с одного предмета или явления действительности на другой на основе их сходства в каком-либо отношении или по контрасту.

Олицетворение – перенесения свойств и качеств человека на неодушевлённые предметы и отвлеченные понятия.

Перифраз – описательное выражение предмета по какому-либо его свойству или признаку.

Эпитет – образное определение, которое обладает художественной выразительностью.

Среди синтаксических стилистических средств наибольшая частотность употребления свойственна таким приемам как риторический вопрос, инверсия, парцелляция и др.

Инверсия – перестановка обычного, нейтрального порядка слов в предложении.

Риторический вопрос – вопрос, на который не нужен ответ, риторический вопрос – утверждение в форме вопроса.

Парцелляция – один из приемов экспрессивного синтаксиса, который заключается в том, что связный текст намеренно делится на несколько отрезков, которые становятся интонационно и пунктуационно самостоятельными [Поливанов, 2017; Белокурова, 2007].

Иногда в переводе копируется стилистический прием, использованный в оригинале. Однако не всегда это возможно, и тогда возникает вопрос о замене стилистического приема другим, который имел бы ту же экспрессивную функцию. Подобная замена одних стилистических приемов

другими называется стилистической компенсацией [Балабанов, 2002: 2-3; Voase-Beier, 2011: 3-5]. Стилистическая компенсация – прием, который наиболее характерен для перевода художественного текста, что объясняется его «литературностью» и принадлежностью текста-оригинала к определенной культуре.

Таким образом, очевидно, что достижение эквивалентности и адекватности перевода, в том числе и художественного текста, является комплексным процессом, для осуществления которого переводчик нередко прибегает к использованию трансформаций, как на лексическом, так и на стилистическом уровне.

Выводы к главе 1

1. Одним из самых сложных видов перевода является перевод художественного текста. Это обусловлено не только «литературностью» художественных текстов и необходимостью ее передачи в языке перевода, но и интердискурсивностью художественного текста, которая является причиной включения в дискурс художественного текста других видов дискурса, в частности, юридического.

2. Переведенный художественный текст должен быть адекватен и эквивалентен оригиналу. Эквивалентность в художественном переводе – понятие, включающее не только точную передачу содержания, но и стиля, воздействия, образности, авторского видения текста.

3. Несмотря на существующие точки зрения, эквивалентность в юридическом переводе возможна, однако ее достижение – особая трудность юридического перевода, вызванная различиями правовых систем государств и их правовых культур.

4. Юридический язык считается искусственным языком, существующим в рамках естественного языка. При этом, он имеет определенные особенности, например, английскому языку свойственна архаичность. Как русский, так и английский юридические языки характеризуются сложным синтаксисом, цель которого состоит в минимизации двусмысленности толкования и стремлении к максимальной точности передаваемой информации.

5. Основная трудность в переводе юридической лексики – перевод терминологии. Это обусловлено тем, что относительно небольшая часть терминологии юридических языков считается интернациональной; остальным терминам необходимо подбирать эквиваленты, учитывая не только различия правовых систем и семантику каждого термина, но и особенности

юридических языков, например, их диалекты или стилистические особенности каждого типа текста.

6. Юридический перевод, являясь видом специализированного перевода, ставит перед переводчиком особые задачи, которые не сводятся к поиску эквивалентных терминологических единиц.

7. Юридическая лексика нередко функционирует за пределами юридического дискурса, например, в художественном тексте. Художественный текст может включать не только цитирование законов, вердиктов судей, но и имитацию юридического дискурса в формате изображения и передачи речи юристов адвокатов, судей и т.д.

ГЛАВА 2 АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНАХ И. Р. МАКБЮЭНА “THE CHILDREN ACT” («ЗАКОН О ДЕТЯХ») И Э. НАЙДЕРМАНА “THE DEVIL’S ADVOCATE” («АДВОКАТ ДЬЯВОЛА»)

2.1 Краткая характеристика выбранных для исследования произведений

И. Р. Макьюэн (Великобритания) и Э. Найдерман (США) являются представителями современной англоязычной литературы. Их произведения в полной мере отражают все черты современного литературного процесса. В романах И. Р. Макьюэна и Э. Найдермана прослеживаются основные тенденции современной литературы постмодернизма. Одной из них, по мнению критиков и литературоведов, является интердискурсивность. Многие из современных произведений сочетают классический нарратив с элементами исторического и юридического дискурса, а также различные языковые коды из области преимущественно разговорного языка в сочетании с книжными формализованными сочетаниями. В данном исследовании изучается перевод юридической лексики в художественных текстах. Очевидно, что в данном случае следует говорить о взаимодействии различных типов дискурса, что понимается как интердискурсивность. Данная текстовая категория характерна, прежде всего, для современных произведений постмодернизма, что и объясняет их выбор для анализа перевода.

В качестве материала исследования был выбран роман И. Р. Макьюэна “The Children Act”. И. Р. Макьюэн – яркий представитель современных британских писателей. Мортен Йенсен, анализируя романы И. Р. Макьюэна, заключает, что его романы, как и большинство романов классической литературы, исследуют внутренние конфликты человека и общества [Jensen, 2007]. Характерной особенностью произведений И. Р. Макьюэна, как и другого современного художественного произведения, является сочетание в рамках одного текста различных стилей и регистров, т.е. взаимодействие

различных типов дискурса. Сам И. Р. Макьюэн о своих произведениях говорит: «Мне интересен литературный эксперимент только в той степени, в какой он позволяет раскрыть тему в эмоциональном объеме» [Jensen, 2007]. В своих работах писатель использует разнообразные языковые средства, относящиеся к различным сферам использования языка, в том числе, юридическую лексику. Осуществленный автором отбор языковых средств, с помощью которых оформляется произведение, позволяет говорить о том, что он расширяет границы стиля художественного текста в его традиционном понимании.

Одним из ярких примеров современного художественного текста, в котором художественный дискурс вступает в активное взаимодействие с юридическим следует считать роман И. Р. Макьюэна “The Children Act” (2014). В процессе написания романа автор консультировался с судьей апелляционного суда сэром Аланом Уардом (Alan Ward), а также опирался на вердикт судьи сэра Джеймса Манби (James Munby) 2012 года, что показывает насколько качественная работа была проделана автором для написания этого романа.

В качестве главного действующего лица романа выступает судья Верховного Суда Англии и Уэльса – Фиона Мэй. Жизнь главной героини произведения тесно связана с профессиональной деятельностью – судопроизводством, что не может не оказывать влияния на ее мысли, отношения и поступки. На протяжении всей книги в качестве вопросов, беспокоящих главную героиню, И. Р. Макьюэн описывает процессы, связанные как с семейным, так и уголовным правом, и те проблемы, которые они поднимают. В романе также присутствуют отступления от основной сюжетной линии, например, сожаления адвоката о судебной ошибке.

Действие романа начинается с момента, когда привычная жизнь главной героини и ее погруженность в работу внезапно прерываются и нарушаются кризисом в семейной жизни. Фиона Мэй продолжает работать, рассматривая

различные судебные дела, связанные с семейными отношениями, включая бракоразводные процессы. Среди дел, по которым ей необходимо вынести судебное решение, – дело 17-летнего подростка Адама. Вердикт по этому делу, учитывая все его обстоятельства, вынести особенно тяжело. У вынесенного по этому делу решения есть определенные последствия: граница между частной жизнью и профессиональной деятельностью, где героиня является воплощением правосудия и беспристрастности закона, начинает разрушаться. В романе «Закон о детях» жизнь главной героини тесно связана с законом. В произведении значительную часть повествования занимает описание обстоятельств дел на рассмотрении, их слушаний, вынесению вердиктов, что и объясняет использование юридической лексики в художественном тексте.

Эндрю Найдерман – один из наиболее популярных современных американских писателей. Роман «Адвокат Дьявола», опубликованный в 1991 году, принес известность автору и сделал его имя узнаваемым для массового читателя. Впоследствии роман был экранизирован. В романе «Адвокат дьявола» главный герой Кевин Тейлор – молодой, амбициозный адвокат переступает грань добра и зла, когда он «агрессивно защищает» преподавателя школы, обвиняемую в изнасиловании девочек-учениц. Успех в этом деле способствовал тому, что Кевин стал адвокатом в одной из самых успешных адвокатских фирм, специализирующихся на уголовном праве. В своей профессиональной деятельности он защищал обвиняемых в совершении уголовных преступлений, в результате чего преступники не получали тюремных заключений и оставались на свободе. Необходимость достоверно и реалистично изобразить как главных, так и второстепенных героев произведения, их профессиональную деятельность, манеру общения и т.д. объясняет активное использование автором юридической лексики в романе.

Юридическая лексика, используемая в вышеуказанных романах, реализуется не только путем включения отдельных терминов юридического языка, но в текстах также и цитированием законов, имитацией судебных

процессов, речи адвокатов, цитат судей, вынесения вердиктов судьями и т.д., то есть в данных художественных текстах встречается не только сочетание художественного дискурса с существующими подтипами юридического дискурса, но и моделирование юридического дискурса в художественном, что служит определенным целям и подчиняется идейному замыслу автора в точности изложения и объективизации мотивов поступков героев.

В ходе исследования было выявлено и проанализировано 142 комплекса тематически связанных предложений, которые содержат юридическую лексику и иллюстрируют взаимодействие художественного произведения и юридического дискурса. Из них в работе представлен анализ 55 примеров.

2.2 И. Р. Макьюэн “The Children Act” и его перевод на русский язык.

Роман “The Children Act” отличается интенсивным внедрением элементов юридического дискурса в художественное произведение, что объясняется не только эстетикой и философской основой постмодернистского романа, стремлением придать повествованию достоверность, но и индивидуальным авторским стилем. Таким образом усложняется взаимодействие текста и читателя, так как отсылки к реально существующим законами и судебным процессам создают уверенность читателя в том, что изображаемые события происходят на самом деле.

Активное использование автором юридической лексики позволяет ее систематизировать и классифицировать согласно подтипам юридического дискурса: речь судей, речь адвокатов защиты и обвинения (вступительная, заключительная и др.), допрос свидетелей в суде, разговор (адвокатов) на профессиональные темы [Косоногова, 2015: 62; Conley, 1990:46]. На основании рассмотренных теоретических работ можно сделать вывод, что для исследования вопроса перевода юридической лексики в художественном тексте недостаточно классифицировать используемую в нем юридическую лексику по подтипам юридического дискурса, так как юридическая лексика

используется в романе не только в качестве иллюстрирования принадлежности героев повествования к определенной профессиональной деятельности. То есть юридическая лексика является не только элементом моделирования юридического дискурса в художественном тексте, но и компонентом художественного текста, а именно используется в повествовании автора, в том числе и в качестве экспрессивного компонента речи автора. Использование юридической лексики в речи автора имеет свои особенности, что позволяет отнести ее в отдельную группу, внутри которой можно выделить повествование о личной жизни героев и повествование о профессиональной деятельности (обстоятельства дел, деятельность суда и т.п.). В безличном повествовании автор максимально точно описывает жизнь главной героини и влияние профессиональной деятельности на образ ее мышления и мотивы поступков, которые обуславливают особенности перевода.

2.2.1 Авторское повествование о личной жизни героев

Использование автором юридической лексики в авторском повествовании о личной жизни героев происходит в рамках стилистики художественного текста, с применением различных лексических и синтаксических стилистических средств, что можно наблюдать в следующих примерах:

1. *Less scotch, more water, for she was in **court** tomorrow and she was **duty judge** now, available for any sudden demand, even if she lay recuperating.* (с. 2)

*Поменьше виски, побольше воды, потому что завтра в **суд**, а сейчас она была **дежурным судьей**, и по срочному делу к ней могли обратиться в любое время – хотя она еще не оправилась.* (р. 4)

«Поменьше – побольше», в данном примере прослеживается переводческая интерпретация представленной ситуации, так как контрастное

противопоставление антонимов, предлагаемое автором, снижено. На стилистическом уровне утрачивается экспрессивность, так как динамика и ритмическая организация предложения сведена к минимуму. Экспрессивность текста оригинала снижена в переводе, что можно выявить в следующих фрагментах данного примера:

Обособленное определение “available for any sudden demand” переводится введением безличного предложения, что является неоправданным отклонением от стиля, так как данное обособление может быть сохранено средствами русского языка. “Even if” – замена условного предложения уступкой, что также способствует отклонению от стилистики предложения оригинала. Представление о решительности, четкости мыслей героини, независимо от психологического состояния, которое складывается у читателей оригинального текста, заменяется на представление о неясности и путанности сознания героини для читателей текста в переводе.

Термины английского юридического языка переведены эквивалентными терминологическими соответствиями русского языка: “court” – «суд», “duty judge” – «дежурный судья».

2. *Seven weeks and a day also had a medieval ring, like a sentence handed down from an old Court of Assize.* (с. 20)

Семь недель и один день – в этом слышалось тоже что-то средневековое, из приговора старинных ассизов. (р. 34)

Здесь автор использует юридическую лексику в качестве экспрессивного компонента авторского повествования. “Court of Assize” – историзм, данный тип суда был упразднен и заменен на Королевский суд. Данное сравнение показывает насколько глубоко профессиональная деятельность проникла в сознание героини. В переводе можно наблюдать опущение части терминологического сочетания “hand down a sentence”. Подобное опущение допустимо, так как его можно считать контекстуально

обусловленным. Метафора “had a medieval ring” не сохранена в переводе: «что-то средневековое»; это снижает стиль сравнения, использованным автором в оригинальном тексте по сравнению с переводом. Устаревший термин “Court of Assize” заменен соответствующим ему термином русского языка, однако в силу отсутствия какого-либо переводческого комментария, поясняющего значение данного термина, сравнение утрачивает свой экспрессивный потенциал.

3. <...> *the ludicrous and shameful transgression of professional ethics, that occupied her. <...> Hard to believe that no one had seen her, that she was leaving the scene of the crime, unscathed.* (p. 173)

<...> абсурдного и постыдного **нарушения профессиональной этики**. Весь позор – на ее голову. <...> трудно поверить, что никто этого не видел, что она покидает **место преступления** незамаранной. (с. 229)

Данный отрывок является ярким примером сочетания экспрессивности художественного стиля со стилем юридического дискурса, которому свойственно отсутствие эмоциональности. Здесь “transgression of professional ethics” (нарушение профессиональной этики) сочетается с эпитетами “ludicrous”, “shameful” («абсурдный и постыдный»). Также в переводе сохраняется метафора “leave the scene of the crime” – «покидать место преступления», основу которой составляет юридическая лексика.

2.2.2 Авторское повествование о профессиональной деятельности

4. *The Family Division teemed with strange differences, special pleading, intimate half-truths, exotic accusation. And as in all branches of law, fine-grained particularities of circumstance needed to be assimilated at speed.* (p. 3)

Отделение по делам семьи было загружено странными конфликтами, особыми ходатайствами со ссылками на новые факты, полуправдами об интимных делах, экзотическими обвинениями. Как и во всех других отраслях

судопроизводства, тонкие детали и обстоятельства надо было схватывать быстро. (с. 11)

Данный пример интересен тем, что в нем переплетается терминология (основная функция которой наименование фактов) с эпитетами, характерными исключительно для художественной литературы, таким образом, что факт объясняется и характеризуется с помощью различных эпитетов, отражающих субъективное авторское отношение к изображаемому, что несвойственно юридическому языку. Терминология, используемая автором в данном предложении, передана эквивалентными терминами русского языка: “accusation” – «обвинение», “The Family Division” – одно из подразделений Высокого суда Лондона, которое имеет устоявшийся перевод в русском языке: «Отделение по делам семьи». Перевод “branches of law” как «отрасли судопроизводства» является ошибочным, так как “law” – закон, право, и такого понятия как «отрасль судопроизводства» в русском юридическом языке нет. Термин правовой системы стран общего права “special pleading” не имеет эквивалента в российской правовой системе. Его перевод на русский язык (особое ходатайство со ссылкой на новые факты) является удачным переводческим решением, так как в нем раскрывается содержание понятия, что можно проследить, исходя из определения данного термина: “special pleading is a pleading required for presentation of special matters of defense, that is, matters going beyond a mere denial of plaintiff's allegations” [uslegal: электронный ресурс]. Также следует отметить, что такие элементы стиля художественного текста, как эпитеты, сохранены в переводе: «экзотический», «тонкие».

5. *Last week, she **heard final submissions** from divorcing Jewish parents, **unequally Orthodox**, **disputing** their daughter's education. The draft of her completed **judgement** was on the floor beside her. Tomorrow, coming before her again would be a despairing English woman, gaunt, pale, highly educated, mother of a five-year-old girl, convinced, despite **assurances to the court** of the contrary, that her daughter was about to be **removed from the jurisdiction** by the father, a*

*Moroccan businessman and strict Muslim, to a new life in Rabat, where he intended to settle. Otherwise, routine wages wrangles over **residence of children**, over houses, pensions, **earnings, inheritance**. It was the larger estates that come to the **High Court**. Wealth mostly failed to bring extended happiness. Parents soon learned the new vocabulary and patient **procedures of the law**, and were dazed to find themselves in a vicious combat with the one they once loved. And waiting offstage, boys and girls, first-named in the **court documents**, troubled little Bens and Sarahs, huddling together while the gods above them fought to the last, from **the Family Proceeding Court, to the High Court, to the Court of Appeal**. (p. 3)*

*На прошлой неделе она рассматривала спор разводящихся родителей-евреев, в разной степени ортодоксальных, **по поводу** образования их дочерей. **Проект решения** лежал рядом с ней на полу. А завтра снова предстанет перед ней отчаявшаяся англичанка, худая, бледная, образованная и, несмотря на заверения суда, убежденная в том, что **дочь у нее отнимет отец**, марокканский бизнесмен, правоверный мусульманин, и увезет в Рабат, где он намерен обосноваться и начать новую жизнь. В остальном – обычные **тяжбы о местопребывании детей**, о домах, пенсиях, заработках, **наследствах**. В Высокий суд обращаются **обеспеченные люди**. Богатство чаще всего не приносит продолжительного счастья. Родители быстро осваиваются с новым лексиконом и **формальностями законоотправления** и сами изумляются, что ведут ожесточенную борьбу с тем, кого они когда-то любили. А за кулисами мальчики и девочки, которых в **документах** называют по именам, испуганные маленькие Бены и Сары, прижавшись друг к другу, ждут, когда боги над ними доведут сражение до победного конца – в **Суде по семейным делам, в Высоком Суде и, наконец, в Апелляционном**. (с. 12)*

В данном примере рассказывается об одном из судебных процессов в профессиональной деятельности героини. Здесь образность языка художественной литературы выдвигается автором на первый план, лексические единицы тщательно выбраны автором для передачи

эмоционального фона и направляют читателя на правильную интерпретацию отношения к изображаемому судебному процессу. В данном отрывке художественного произведения присутствует разнообразная юридическая лексика, как из процессуального права, в том числе названия судов: “the Family Proceedings Court” – «Суд по семейным делам», “the High Court” – «Высокий суд», “the Court of Appeal” – «Апелляционный суд», так и семейного: “inheritance” – «наследство», “residence of children” – «местопребывание детей».

Среди недостатков перевода данного фрагмента текста следует отметить перевод “her daughter to be removed from jurisdiction by the father” – «дочь у нее отнимет отец» – так как здесь наблюдается опущение юридического термина “jurisdiction”. Опущение юридической терминологии в переводе присутствует и в следующем фрагменте: “It was larger **estates** that come to the High Court.” («В Высокий суд обращаются обеспеченные люди»). Также в переводе отсутствует такой термин английского юридического языка, как “final submissions”. Он не имеет эквивалента в русском языке, однако, учитывая определение данного терминологического словосочетания: “these are the conditions that exist when all details of the defendant and the plaintiff’s case is submitted to court for a verdict” [the law dictionary: электронный ресурс], – можно было бы подобрать приблизительный аналог, существующий в правовой системе РФ – судебные прения. В переводе словосочетания “court documents” упущена лексическая единица “court” (судебные документы), что упрощает текст перевода.

Стилистическая экспрессивность данного отрывка оригинального текста снижена, в переводе отсутствуют такой стилистический прием как перифраз: “It was the larger estates that come to the High Court” – «В Высокий суд обращаются обеспеченные люди». “Procedure of law” переводится введением неологизма – «законоотправление», при этом семантика лексической единицы «законоотправление» является очевидной, исходя из ее

структурных элементов (закон + отправление), и не вызывает непонимания у читателей.

6. *Partly for this reason, many Charedim were of modest means. But not the Bernsteins, though they would be when their **lawyers' bills** were settled.* (p. 10)

*Отчасти поэтому харедим были людьми скромного достатка. Но не Бернштейны, хотя и им это грозит **после расплаты с юристами**.* (с. 20)

В данном примере присутствует несоответствие стиля оригинала и перевода. «Расплата» – существительное, образованное от глагола расплачиваться, имеет и другое значение – переносное – «кара», «возмездие». Подобный перевод вносит в текст ненужную двусмысленность и снижает стиль.

7. *And when at last, at nine thirty one morning at the **Royal Courts of Justice**, she was sworn in by **the Lord Chief Justice** and took **her oath of allegiance** and her **Judicial Oath** before two hundred of her bewigged colleagues, and she stood proudly before them in her robes, the subject of the witty speech, she knew the game was up, she belonged to the **law** as some women had once been brides of Christ.* (p. 45)

*И когда, наконец, в девять тридцать утра, в **Доме правосудия**, лорд главный судья привел ее к присяге на верность короне и к **судейской присяге** перед двумя сотнями коллег в париках, и она гордо стояла перед ними в мантии, слушая остроумную речь о себе, ей окончательно стало ясно, что **песенка спета**, что вся она принадлежит **закону**, наподобие невест Христовых в Средние века.* (с. 67)

В данном примере юридическая лексика переведена эквивалентной юридической лексикой русского языка: “Lord Chief Justice” – «Лорд главный судья», “to be sworn” – «приводить к присяге», “oath of allegiance” – «присяга на верность», “Judicial Oath” – «судейская присяга», однако использование перифраза «Дом правосудия» вместо “Royal Courts of Justice” неоправданно и

неуместно, так же, как и замена устойчивого сочетания английского языка “the game was up” на разговорный фразеологизм «песенка спета». Пояснение «в средние века» в использованном сравнении “belonged to the law as some women had once been brides of Christ” – переводческое решение, раскрывающее читателям образ главной героини.

8. *In the Moroccan case, listed for ten o'clock, it was confirmed that the little girl had been **removed from the jurisdiction** to Rabat by the father, despite his undertakings to the **court**, and no word of the whereabouts, no word from the father, and his **counsel** at a loss. The mother was receiving psychiatric help, but would be at court. The intention was to apply through **the Hague Convention**, Morocco, by good fortune, being the one Islamic state to have signed up.* (p. 47)

*Сегодняшние дела. В марокканском, назначенном на десять часов, подтвердилось, что **отец вывез девочку в Рабат**, несмотря на обязательство явиться в **суд**, неизвестно их местонахождение, никаких известий от отца, его **адвокат** в недоумении. Мать наблюдается у психиатра, но в **суд** явится. Предполагается действовать в соответствии с **Гаагской конвенцией** – Марокко, к счастью, единственная исламская страна, ее подписавшая.* (с. 69)

Здесь упоминается международное соглашение – Гаагская Конвенция, что делает текст оригинала наиболее реалистичным. Применение Гаагской конвенции является законодательной основой для вынесения приговора по делу и дальнейшей деятельностью по его обеспечению. В данном примере опущен термин “jurisdiction”, также имеется несоответствие терминологии оригинала и перевода: “counsel” – адвокат, однако подобный перевод допустим в художественном тексте, так как “counsel” имеет следующее словарное определение: a lawyer engaged in the trial or management of a case in court [merriam-webster: электронный ресурс].

В авторском повествовании о профессиональной деятельности героини присутствуют разнообразные лексические единицы юридического языка, в том числе латинская терминология, которую необходимо сопроводить комментарием или описанием, в силу различия правовых систем, что можно проследить на примере следующих предложений:

9. *She was dismissive of an **ex parte application** for an order excluding a husband from the **matrimonial home**.* (p. 54)

*Она с пренебрежением отнеслась к **ходатайству ex parte** о выдворении мужа из **семейного жилища**.* (с. 78)

Переводчик сохраняет латинское написание термина, сопровождая его следующим комментарием: «Без уведомления другой стороны (лат).», так как этот термин отсутствует в правовой системе РФ. (Переводческий комментарий – один из основных приемов перевода, который заключается в дополнении и объяснении текста оригинала (в основном, безэквивалентной лексики). [Иванкова, 2011: 174-176; Папулова, 2015; 38-40]. То же самое можно наблюдать в следующем примере:

10. *There followed standard questions to establish Carter's **bona fides**, his length of experience and seniority.* (p. 65)

*Последовали стандартные вопросы, удостоверяющие его **bona fides**, стаж и квалификацию.* (с. 92)

Здесь переводчик дает комментарий: «**bona fides** – честные намерения».

11. *For the hospital, her friend Mark Berner **QC**, and two **instructing solicitors**.* (p. 62)

*От больницы – ее приятель, **королевский адвокат** Марк Бернер, и два **солицитора**.* (с. 89)

В данном примере используется два юридических термина: **QC** (Queen's Counsel) и **solicitor**. В переводе аббревиатура QC была расшифрована и

переведена аналогичным термином русского языка, однако в силу различия правовых систем России и Великобритании переводчик дает пояснения, как термину “QC”, так и термину “solicitor”, в виде переводческого комментария к двум адвокатским званиям: «Королевский адвокат – высшее адвокатское звание, присваивается королевской грамотой. Выступает на процессе раньше других адвокатов. Солиситор, стряпчий – имеет право выступать в низших судах, подготавливает дела для барристера, консультирует клиентов, в т.ч. фирмы и организации».

12. *Only the first four were arrested and charged. The jury had found them guilty of grievous bodily harm with intent and had accepted the prosecution’s argument that the men should be treated on the basis of joint enterprise, that regardless of what each one had done, they should be dealt with equally. They were all in it together. After the verdict, which was a week before sentencing, the judge at Southwark, Christopher Graham, had advised the men that they should expect serious custodial sentences.* (p. 184)

Арестована была только первая четверка, им и предъявили обвинение. Присяжные сочли их виновными в намеренном причинении тяжкого вреда здоровью и согласились с доводом обвинения, что, поскольку, преступление совершено организованной группой, соучастники должны нести равную ответственность, независимо от того, кто что сделал. Дрались все вместе. После вердикта, за неделю до приговора, судья в Саутверке, Кристофер Грэнэм, предупредил парней, что их ждет серьезный срок. (с. 242)

Данный пример показывает насколько активно автор использует юридическую лексику в романе. Здесь описывается уголовный судебный процесс. “Custodial sentence” переведено «срок», что вызывает вопросы относительно стиля, так как использование предложения «парней ждет серьезный срок» значительно снижает стиль оригинального текста. “Joint enterprise” не имеет точного эквивалента в российской правовой системе, заменено аналогичным понятием «организованная группа».

13. *Five years earlier, at the age of eighteen, he was **maliciously accused of rape** by a girl, was held in a **young offenders' prison** for a couple of weeks, then tagged and put under strict **curfew conditions** for six months. There was a good mobile phone **text evidence** that the sex was consensual, but the police declined to **investigate**. They had targets to meet in **rape cases**. <...> First day of the **trial**, damning **evidence** from the **accuser's** best friend caused the **case to collapse**. The supposed **victim** had been hoping for money from the **Criminal Injuries Compensation Authority**. She was keen on buying a new Xbox. She had texted her intentions to her friend. **Prosecuting counsel** was seen to hurl his wig to the floor and mutter "Stupid girl". (p. 185)*

Пять лет назад, в возрасте восемнадцати лет, он был злоумышленно обвинен знакомой девушкой в изнасиловании, недели две он просидел в тюрьме для молодых правонарушителей и был выпущен под надзор в течение шести месяцев. Сохранился текст на мобильном телефоне, ясно доказывающий, что секс был не вынужденный, но полиция не захотела расследовать. У нее была плановая цифра по изнасилованиям. <...> в первый же день суда лучшая подруга «потерпевшей» дала изобличающие показания, и дело рассыпалось. Истица рассчитывала получить деньги от ведомства по компенсации жертвам уголовного преступления. Ей очень хотелось купить новую игровую приставку. Она написала о своем плане подруге по мобильнику. Ее адвокат у всех на глазах швырнул свой парик на пол и проворчал «Глупая девчонка». (с. 244)

Здесь преимущественно использована лексика уголовного права. Большинство единиц использованной юридической лексики в переводе заменены аналогичными эквивалентами русского языка, “put under strict curfew conditions” переведено «выпущен под надзор», для большего соответствия российской правовой системе следовало бы добавить «административный надзор». Использование лексической единицы «истица» в переводе является спорным, так как «истец» – термин, используемый

преимущественно в гражданском судопроизводстве, о чем указано в словарях. Подобный перевод не соответствует уголовному делу, обстоятельства которого представлены в этом отрывке. Перевод “prosecuting counsel” как «ее адвокат» – пример использования смыслового развития – вносит неточность в перевод, однако подобный перевод допустим, так как данный перевод понятен читателям и не искажает смысл оригинала. Введение антонимического перевода: «не вынужденный» (was consensual) вносит в текст противопоставление, которого в оригинале нет. Для большей точности и соответствия правовой системе РФ данное словосочетание следовало бы перевести «по обоюдному согласию». Сниженный стиль текста перевода, по сравнению с оригинальным текстом можно проследить в следующем примере: “caused the case to collapse” – «и дело рассыпалось». Здесь переводчик использует разговорное, жаргонное выражение, использование которого делает текст перевода не эквивалентным оригиналу.

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе перевода лексических единиц юридического английского языка, которые использует автор, переводчик прибегает к различным переводческим приемам, таким как переводческий комментарий, калькирование, смысловое развитие и т.д. При этом, некоторые переводческие решения являются неудачными и искажают как стиль, так и смысл оригинального текста. Опускание юридической терминологии в переводе авторского повествования о личной жизни героев и их профессиональной деятельности, считается нецелесообразным и искажающим замысел автора.

2.2.3 Речь судей

14. <...> *Fiona devoted several hundred words to a definition of **welfare**, and then a consideration of the standards to which such welfare might be held.*
<....> *She quoted from an **1893 judgement by Lord Justice Lindley** to the effect that*

welfare was not to be gauged in purely financial terms, or merely by reference to physical comfort. (p. 15)

<...> и здесь она посвятила несколько сотен слов определению **благополучия** и критериев, по которым его надо оценивать. <...> она процитировала судебное **решение Лорда судьи Линдли от 1893 года**, где говорилось, что благополучие нельзя понимать в чисто финансовом смысле или просто в плане физического комфорта. (с. 27)

Судебный процесс и коммуникация в ходе слушания строго регламентированы, что видно по этому примеру: вынося судебное решение, главная героиня пояснила определения основных понятий, которые обуславливают это решение. Для разъяснения понятий была приведена цитата Лорда судьи Линдли, что показывает насколько реалистичен изображенный в романе мир художественного произведения. Комментируя перевод данного отрывка, следует отметить несоответствие стиля оригинала стилю перевода, что можно проследить по следующим примерам: такие фразы, как: «где говорилось», а также «нельзя понимать в чисто финансовом смысле или просто в плане физического комфорта» в русском переводе можно отнести к разговорному стилю, а не к стилю судебного решения, который присутствует в тексте на английском языке.

15. *Quoting Lord Justice Ward, Fiona reminded all parties in the opening lines of the judgement, “this court is a court of law, not of morals, and our task has been to find, and our duty is then to apply, the relevant principles of law to the situation before us – a situation which is unique’.* (p. 27)

В начале своего решения процитировав лорда судью Уорда, Фиона напомнила сторонам: «Этот суд – суд закона, а не морали, и задачей нашей было найти, а долгом – применить соответствующие принципы закона к данной ситуации – ситуации, не имеющей аналогов. (с. 42)

В данном примере сохранен стиль, и верно передана юридическая терминология: “court” – «суд», “law” – «закон», тем не менее в переводе словосочетания “in the opening lines of the judgement” («в начале своего решения»), местоимение «свое» следовало бы заменить прилагательным «судебный».

16. *However, there could be no **presumption** that one life was worth more than another.* (p. 27)

*Не может быть никаких **оснований для вывода**, что одна жизнь стоит больше другой.* (с. 43)

В данном примере “presumption” переведено как «основание для вывода», что не только снижает стиль судебного решения, но и является неверным переводом терминологии, т.к. “presumption – legal inference as to the existence or truth of a fact not certainly known that is drawn from the known or proved existence of some other fact” [merriam-webster: электронный ресурс], таким образом, «основание для вывода» следовало бы заменить на «презумпцию», «допущение» или «предположение».

17. *Instead, she found her argument in the “**doctrine of necessity**”, an idea established in **common law** that in certain limited circumstances, which no parliament would ever care to define, it was permissible **to break the criminal law** to prevent a greater evil. She referred to a **case** in which men **hijacked** a plane to London, **terrorized** the passengers and were **found innocent of any crime** because they were acting to avoid **persecution** in their own country.* (p. 28)

*Вместо этого она нашла аргумент в «**доктрине необходимости**», принципе **общего права**, что в некоторых исключительных обстоятельствах, определить которые не возьмется ни один парламент, допустимо **нарушать уголовный закон**, дабы предотвратить большее зло. Она сослалась на **воздушных пиратов**, которые **захватили самолет**, вынудили сесть в Лондоне, **терроризировали пассажиров**, но **не были признаны виновными** ни*

по одному пункту, поскольку действовали так, спасаясь от **преследований** на родине. (с. 44)

В данном примере присутствует большое количество единиц юридической лексики. В переводе данного отрывка имеется опущение юридического термина “case” (“she referred to the case in which men hijacked a plane to London” – она сослалась на воздушных пиратов), что снижает стиль текста перевода. Также следует выделить юридический термин “doctrine of necessity”, который не имеет стандартизированного перевода на русский язык, таким образом автор вводит неологизм, воспользовавшись калькированием – доктрина необходимости. Семантика термина “prosecution” передана в переводе частично, так как он имеет значение *судебного или уголовного преследования*.

18. *Direct the hospital to serve evidence by 4 p.m. tomorrow. <...> The treating oncologist should serve a witness statement.* (p. 34)

Проинструктируйте больницу, чтобы завтра к четырем часам представила подтверждающие документы. Лечащий онколог должен представить письменное заявление. (с. 52)

“Serve evidence” – «предоставить подтверждающие документы» переведено при помощи приема конкретизации, так как термин “evidence” имеет эквивалент в русском языке – «доказательства».

19. *They are looking for this relief under a specific issue order. The application made forty-eight hours ago was on a ex parte basis. As duty judge, I granted it, subject to their undertakings.* (p. 119)

Больнице требуется распоряжение суда. Ходатайство было подано сорок восемь часов назад без уведомления другой стороны. Как дежурный судья, я приняла его к рассмотрению. (с. 161)

“Relief under a specific issue order” переведено генерализацией, в силу несоответствия правовых систем России и Великобритании эквивалентного термина в русском языке нет. В данном примере присутствует термин на латинском языке, из римского права он закрепился в общем праве, при этом сохранил исходное написание, в русском языке термин не был оставлен на латинском языке и был переведен описательно, что является следствием его отсутствия в правовой системе РФ.

20. *I am guided instead by the decision of Mr Justice Ward, as he then was, in **Re E(minor)**, a **judgement** also concerning a Jehovah’s Witness teenager. In the course of which he notes, “The welfare of the child therefore dominates my decision, and I must decide what E’s welfare dictates.” That observation was crystallised in the clear **injunction** of the **Children Act of 1989** which declares in its opening lines for the primacy of the child’s welfare. I take ‘welfare’ to encompass ‘well-being’ and ‘interests’. I’m also bound to take into account A’s wishes. As I’ve already noted, he has expressed them clearly to me, as has his father to this court. <...> It’s a **fundamental right** in adults to refuse medical treatment. To treat an adult against his will is to commit a **criminal offence of assault**. <...> I do not believe that A’s mind, his opinions, are entirely his own. His childhood has been an uninterrupted monochrome exposure to a forceful view of the world and he cannot fail to have been conditioned by it. It will not promote his welfare to suffer an agonizing unnecessary death, and to become a martyr to his faith. <...> This **court** takes no view on the afterlife, which in any event A will discover, or fail to discover, for himself one day. <...> In short, **I find** that A, his parents and the elders of the church have made a decision which is hostile to A’s welfare, which is this court’s paramount consideration. <...> In **my judgement**, his life is more precious than his dignity. Consequently, **I overrule** the wishes of A and his parents. **My direction and declaration** are as follows: that the agreement to blood transfusion of the first and second **respondents**, who are the parents, and the agreement to blood transfusion of the third **respondent**, who is A himself are set aside. (p. 120-124)*

*Я руковожусь **решением судьи Уорда** – в бытность его на этом посту – по делу несовершеннолетнего Э, подростка и тоже свидетеля Иеговы. В своем **решении** судья Уорд отмечает: «Поэтому я исхожу из благополучия ребенка и должен вынести решение, которое продиктовано благополучием Э». Это соображение вылилось в законченную форму в **Законе о детях тысяча девятьсот восемьдесят девятого года**, где в первых строках говорится о первостепенности благополучия ребенка. Я толкую «благополучие» как включающее в себя «здоровье» и «интересы». При этом я обязана учесть желания А. Как я уже сказала, он изложил мне их ясно – и так же его отец в суде. <...> **Отказаться от лечения – фундаментальное право** взрослого. **Лечить взрослого против его воли – это насилие над ним, уголовное преступление.** <...> Я не верю, что мысли А, его мнения – целиком его собственные. Его детство прошло под непрерывным и монохромным воздействием специфических взглядов на мир, и это не могло не сформировать его. Его благополучию не послужит преждевременная мучительная смерть страдальца за веру. <...> **Суд не вникает в вопрос о загробной жизни, о каковой в любом случае узнает сам А – или не узнает <...>.** Короче говоря, я нахожу, что А, его родители и старейшины его церкви, приняли решение, которое враждебно благополучию А, каковое является предметом первостепенной заботы суда. <...> **По моему мнению, его жизнь драгоценнее его достоинства. Поэтому я считаю возможным пренебречь** желаниями А и его родителей. **Объявляю мое решение:** несогласие на переливание крови первого и второго **ответчика**, а именно – родителей, и несогласие на переливание крови третьего **ответчика**, то есть самого А во внимание не принимать. (с. 164-167)*

Пример судебного решения, вынесенного главной героиней романа судьей Фионой Мэй, по одному из самых сложных дел, с которыми она сталкивалась. Юридическая терминология, используемая в данном судебном решении в русском языке передана эквивалентными терминами из правовой

системы РФ, однако в переводе опущена ссылка на судебное дело 1993 года, идентичное тому, по которому выносит решение главная героиня в данном фрагменте текста: “Re E (minor)”, что, на наш взгляд, является допустимым для перевода художественного текста, так как не вносит смысловых потерь в текст перевода, однако значимость работы, проделанной автором, как и ценность самого текста снижается. Также следует обратить внимание на стиль текста перевода: в целом, стиль судебного решения передан неверно, в переводе присутствуют элементы разговорного стиля: «короче говоря», «это соображение вылилось в законченную форму», что недопустимо для стиля судебного решения. Несохраниение стиля судебного решения можно проследить также в переводе следующих фраз: “in my judgement” – «по моему мнению», “I overrule” – «я считаю возможным пренебречь», “My direction and declaration are” – «объявляю мое решение». В правовой системе РФ судебные решения выносятся от имени суда, а не какого-либо судьи, таким образом, подобные выражения следовало бы перевести «суд считает, постановляет» и т.д. Учитывая в том числе и опущение в переводе термина “injunction”, можно говорить об упрощении текста судебного решения и несоответствии данного предложения его стилю. Наличие такой переводческой трансформации, как калькирование усложняет прочтение текста русскими читателями и снижает качество перевода: I find – я нахожу (вместо «считаю полагаю», “he has expressed them clearly to me, as has his father to this court.” – «Как я уже сказала, он изложил мне их ясно – и так же его отец в суде.»

По проанализированным примерам можно сделать вывод, что для придания достоверности изображаемому, автор прибегает к моделированию судебного решения. Судебное решение – подтип юридического дискурса, который имеет свою специфику. Трудности перевода судебного решения обусловлены не только поиском терминологических соответствий на лексико-семантическом уровне, но и необходимостью придания тексту перевода стиля судебного решения, характерного для правовой системы РФ.

2.2.4 Допрос свидетелей

21. *'I shall indeed be brief, My Lady, for, as you indicate, the situation is pressing.*
(p. 63)

Да, буду краток, миледи, ибо, как вы заметили, дело неотложное. (с. 90)

“My Lady” стандартное обращение к судье-женщине в судах Великобритании, перевод «миледи» является недопустимым, так как не является обращением к судье в российской правовой системе, то есть необходимо заменить «миледи» на «Ваша честь» или «Уважаемый суд».

22. *'Is his judgement, his cognition, clouded by his medical condition?'*

'Not as yet.'

'Have you suggested to him that he needs a transfusion?'

'I have.'

'And what has been his response?'

'He firmly refuses it on the grounds of his religion'

Berner rose to re-examine. (p. 72)

– *Его мыслительные способности, его рассудок не пострадали из-за его физического состояния?*

– *Пока нет.*

– *Вы говорили ему, что он нуждается в переливании крови?*

– *Говорил.*

– *И каков был его ответ?*

– *Он твердо отказывается по религиозным соображениям.*

Бернер поднялся для вторичного допроса. (с. 102)

В романе «Закон о детях» автор иллюстрирует судебные слушания и их процедуру, в том числе и допрос свидетелей. Юридические термины данного отрывка переведены эквивалентными терминами русского юридического языка. Автор передает стиль допроса свидетелей: короткие вопросы адвоката и немногословные ответы свидетеля, в которых не содержится больше информации, чем предполагает вопрос. То же самое можно наблюдать и в следующих примерах:

23. “*You accept, do you not, Mr Carter, that the freedom of choice of medical treatment is a **fundamental human right** in adults?*”

“*I do.*”

“*And treatment without consent would constitute a **trespass** of the person, or indeed an **assault of that person.**”*

“*I agree.*” (p. 68)

– *Вы согласны, не правда ли, мистер Картер, что свобода выбора лечения есть **неотъемлемое право** взрослого человека?*

–*Да.*

– *И лечение без его согласия – это **нарушение его прав**, фактически **насилие** над ним?*

– *Согласен.* (с. 96)

24. “*The Holy Spirit guides the anointed representatives – we call them the slaves, **Your Honour** – it helps them towards deep truths that weren’t previously understood.*’ (p. 100)

*Святой Дух направляет помазанников – мы называем их рабами, **ваша честь**, – он ведет их к глубоким истинам, которых прежде не понимали.* (с. 113)

В вышеуказанных примерах (примеры 23, 24) терминология английского языка передана в тексте на русском языке эквивалентной ей

терминологией: “Your Honour” – «Ваша честь», “trespass of the person” – «нарушение его прав», “fundamental right” – «неотъемлемое право», “re-examine” (re-examination) – «вторичный допрос».

2.2.5 Речь адвокатов в ходе слушания

25. *All religions were deserving of respect provided they were, in Lord Justice Purchas’s phrase, “legally and socially acceptable” and not, in Lord Justice Scarman’s darker formulation, “immoral or socially obnoxious”.* (p. 16)

Все религии заслуживают уважения при условии, что они «приемлемы социально и с точки зрения законности», как выразился Лорд судья Перчес, и, в более мрачной формулировке Лорда судьи Скармана, не являются «нравственно и социально удобными». (с. 29)

Здесь автор иллюстрирует речь адвоката, который приводит цитаты, произнесенные лордами судьей Перчесом и судьей Скарманом, что характерно для прецедентного права. Следует отметить, что данные цитаты принадлежат реально существующим людям, образы судей не являются художественным вымыслом, а имеют прототипы в реальном мире. Перевод речи адвоката частично не соответствует стилю речи адвоката оригинального текста. Употребление выражения «как выразился» привносит в речь адвоката разговорно-пренебрежительный оттенок, что, на наш взгляд, не будет верно истолковано читателями, так как это передает сомнение говорящего в истинности приведенной цитаты и отрицательного к ней отношения.

26. *In an effort of memory, Grieve closed his eyes and quoted from Section 8 of the Family Reform Act of 1969. ‘The consent of a minor who has attained the age of sixteen to any surgical, medical or dental treatment, in the absence of consent, would constitute a trespass to his person, shall be effective as it would be if he were of full age’.* (p. 86)

Грив закрыл глаза, напряг память и процитировал из **восьмого раздела Закона о реформе семейного права от 1969 года**. «Согласие лица, достигшего шестнадцатилетия, на любое хирургическое, терапевтическое или стоматологическое лечение, которое в отсутствие согласия было бы **нарушением** его прав, должно иметь силу, как если бы лицо было совершеннолетним». (с. 120)

Здесь, как и в предыдущем примере, автор изображает речь адвоката в суде, в которой цитируется Закон о реформе семейного права. В переводе сохранен стиль закона.

27. *The **barrister** quoted Balcombe LJ. “As children approach the age of majority they are increasingly able to take their own decisions concerning their medical treatment. It will normally be **in the best interests of a child** of sufficient age and understanding to make an informed decision that the court should respect.” The **court** must take no view on a particular religion, save to respect expressions of faith. Nor should the court be tempted onto the dangerous ground of undermining an individual’s **basic right** to refuse treatment.* (p. 88)

Адвокат процитировал Лорда судью Балкома. «С приближением совершеннолетия дети все в большей степени способны принимать решения, касающиеся их лечения. Поэтому в **наилучших интересах ребенка**, достигшего достаточно зрелого возраста и разума, самостоятельно принимать информированное решение, которое надлежит уважать суду.» Суд не должен соотносить свое мнение с конкретной религией, но лишь проявлять уважение к вере. Не должен **суд** и ступать на опасную почву, препятствуя **неотъемлемому праву** индивидуума отказаться от лечения. (с. 123)

Данный пример иллюстрирует использование цитаты Лорда судьи Балкома в речи одного из персонажей романа. Формулировка юридического выражения семейного права “in the best interests of a child” переведена на

русский язык «в наилучших интересах ребенка», что соответствует формулировке в семейном кодексе РФ. Замена безэквивалентного для российской правовой системы термина ‘barrister’ (адвокат, имеющий право выступать в суде) на термин «адвокат» русского языка, допустима в художественном переводе, однако тогда остается неясным, для чего переводчик вносит в текст перевода такие термины как «королевский адвокат» и «солиситор». Терминологическое сочетание “basic right” заменено в переводе эквивалентным термином «неотъемлемое право».

2.2.6 Разговор адвокатов на профессиональные темы

28. *Bones were broken, so its GBH. The police **charged** all four on various counts. But in court the **prosecution pushed for joint enterprise and sentence at level 2 GBH on the guidelines, which are five to nine years.*** (p. 188)

*Но есть перелом – следовательно, **тяжкое телесное повреждение.** Полиция предъявила четырем разные **обвинения.** Но в суде прокурор настоял на **организованной группе, тяжкие телесные второй степени** – это от пяти до девяти лет.* (с. 248)

В переводе на русский язык аббревиатура GBH была расшифрована и переведена аналогичным термином русского юридического языка «тяжкие телесные повреждения». Другие юридические термины также были заменены аналогами русского языка. Термин “level 2 GBH” на русский язык переведен калькированием «тяжкие телесные второй степени», что вносит неясность в текст на русском языке. Так как подобной классификации тяжких телесных повреждений в российской правовой системе нет, то следовало бы это сопроводить переводческим комментарием, к примеру: «Существует три категории тяжких телесных повреждений, описываемых в уголовном праве Великобритании, вторая категория предусматривает относительно меньшую тяжесть телесных повреждений и меньшую степень виновности, относительно

первой – самой серьезной категории тяжких телесных повреждений с самой высокой степенью виновности».

29. *He had **pleaded not guilty**. He should have owned up to an affray, but I wasn't there to advise. <...> the chap with the fractured jaw refused to **file a victim statement**. Came to court as a **prosecution witness**. <...> I spoke for seventy-five minutes, trying to get the **GBH** down to **level 3**. Guidelines are three to five years. Also, made a solid case that the **law** owned him six months' **liberty** on the groundless **rape charge**. Then he would have been within reach of a **suspended sentence**, which was all this stupidity worth.* (p. 188-189)

Он не **признал себя виновным**. Надо было признать участие в драке, но меня там не было, я не мог дать ему совет. <...> парень со сломанной челюстью отказался **подавать иск**. Явился в суд как **свидетель обвинения**. <...> Я говорил семьдесят пять минут, пытаюсь отделить Уэйна от остальных и снизить **тяжкие телесные повреждения до третьей степени**. В этом случае рекомендованный **срок от трех до пяти**. Я убедительно доказывал, что ему должны **скостить** еще шесть месяцев за то необоснованное **обвинение в изнасиловании**. В таком случае ему было бы чуть-чуть до **условного срока**, которого только и заслуживала вся эта глупость. (с. 248- 249)

Данный пример примечателен использованием юридической лексики уголовного права, что показывает разнообразие охватываемой автором тематики и качество реализации идеи. Юридическая лексика оригинала эквивалентна лексике, использованной в переводе: “file a victim statement” допустимо перевести как «подавать иск», «тяжкие телесные повреждения 3-ей степени» также необходимо было сопроводить переводческим комментарием, указанным в предыдущем примере. В целом, стиль перевода соответствует стилю оригинала, за исключением использованной в тексте перевода фразы «скостить срок». «Скостить» придает речи адвоката разговорный, жаргонный стиль, так как согласно толковому словарю русского языка Ушакова слово

«скостить» является просторечным. Очевидно, что подобная фраза в переводе снижает профессионализм адвоката в восприятии читателей.

2.3 Э. Найдерман “The Devil’s Advocate” и его перевод на английский язык.

В романе Э. Найдермана “The Devil’s Advocate” так же, как и в романе “The Children Act” юридический дискурс функционирует как компонент художественного. Автор активно использует юридическую лексику в своем романе, однако в силу специфики повествования основной акцент делается на уголовное и процессуальное право. Юридическая лексика в романе используется в основном в описании слушаний по уголовным делам, речи адвокатов, допроса свидетелей, обвиняемых и т.д. Юридическая лексика также используется автором в обычном повествовании, чтобы показать мысли героев, пояснить какие-то определенные моменты романа.

2.3.1 Авторское повествование о профессиональной деятельности

30. *What did the owner of a major private sanitation firm in the Lower East Side think of his being declared **innocent of all charges of extortion**? Was the **trial** just political because there had been talk of him running for borough president? Why didn't the **prosecution's key witness** tell all that he had allegedly told the **prosecution**?* (p. 9)

*Что думает владелец крупнейшей частной водопроводной компании в Нижнем Ист-Сайде, о том, что его **освободили от всех обвинений в вымогательстве**? Не был ли **суд** политически ангажированным – ведь ходили слухи об участии Фанди в президентской гонке? Почему **главный свидетель обвинения** не сказал на суде того, что говорил в ходе следствия?* (с. 7)

Данный пример интересен тем, что здесь автор, моделируя размышления адвоката о деле, использует ряд риторических вопросов, чтобы подчеркнуть эмоциональное состояние героя, привлечь внимание читателя к данным утверждениям. Автор, изображая внутреннюю речь героя, использует

сложные синтаксические конструкции и юридическую терминологию, что является сочетанием экспрессивности художественного текста с юридическим стилем. Используемая в переводе юридическая лексика эквивалентна оригиналу: “(declared) innocent of all charges of extortion” – «освободили от всех обвинений в вымогательстве», “trial” – «суд», “prosecution’s key witness” – «главный свидетель обвинения». При переводе части сложноподчиненного предложения: “allegedly told the prosecution” использован прием смыслового развития: «что говорил в ходе следствия», подобный перевод более понятен русскоязычному читателю.

Следующие примеры иллюстрируют, насколько активно автор использует юридическую лексику в романе «Адвокат дьявола», в основном – это лексика процессуального и уголовного права, что связано с профессией главного героя:

31. *Twenty-eight year-old Kevin Taylor looked up from the papers spread out over the chestnut-brown table before him and paused, pretending to think deeply about something before **cross-examining the witness**.* (p. 16)

*Двадцативосьмилетний Кевин Тейлор оторвал взгляд от бумаг, разложенных на длинном темно-коричневом столе, и сделал паузу, словно о чем-то задумавшись перед **перекрестным допросом свидетеля**.* (с. 9)

“Cross-examining the witness” переведено на русский язык эквивалентной терминологией русского языка: «перекрестный допрос свидетеля».

32. *Lois Wilson, a twenty-five year-old fifth grade teacher, was on **trial for sexually abusing children** in the small Nassau County community of Blithedale. <...> A school **investigation** uncovered three more similar **occurrences**.* (p. 17)

*Судили Лоис Уилсон, 25-летнюю учительницу пятого класса. Ее обвиняли в **сексуальных домогательствах к подросткам**. Все произошло в небольшом городке Блисдейл, графство Нассау. <...> В ходе **расследования**, проведенного в школе, обнаружилось еще **три аналогичных случая**.* (с. 11)

В этом примере переводчик заменяет юридическую терминологию английского языка терминологией русского языка, которая ей эквивалентна: “was on trial” – «судили» (замена личного предложения, на безличное, что не вносит существенных различий в текст перевода); “investigation” – «расследование»; “child sexual abuse” (“for sexually abusing children”) – сексуальное насилие над детьми. (Сексуальное домогательство, термин, использованный в переводе – подтип сексуального насилия, что делает перевод, в целом, эквивалентным оригиналу.); “occurrence” – «аналогичный случай». Семантика юридического термина английского языка точно отражена в переводе, что можно проследить по его определению: “occurrence – an accident that includes continuous or repeated exposure to substantially the same general harmful conditions” [uslegal: электронный ресурс].

33. *If Lois **pleaded guilty**, she would get **five years probation** and **psychological counseling**.* (p. 18)

*Если Лоис Уилсон **признает свою вину** ей дадут **пять лет условно** и обяжут обратиться к психологу.* (с. 12)

34. *When he spelled out the **punishment** for **perjury** and explained that the **prosecution** was already working to disprove and discredit her **testimony** she became jittery. <...>he convinced the AD to drop **the armed robbery charge**, replacing it with a simple **robbery charge**.* (p. 304)

*Когда он объяснил ей **ответственность за лжесвидетельство** и сказал, что **прокурор** уже работает над тем, чтобы опровергнуть или дискредитировать ее **показания**, она занервничала. <...> Ему удалось убедить **окружного прокурора** отозвать **обвинение в вооруженном грабеже**, заменив его обычным **ограблением**.* (с. 257)

В вышеуказанных примерах (33, 34) юридическая терминология в переводе заменена эквивалентными терминами русского юридического языка: “five years probation” – «пять лет условно», “investigation” – «расследование»,

“plead guilty” – «признать вину», “AD” (Attorney District) – «окружной прокурор», “perjury” – «лжесвидетельство», “armed robbery” – «вооруженный грабеж» и др.

35. *Dave Kotein was successful in getting the **judge** to throw out Karl Obermeister’s **confession** on the basis that the **arresting** police officers and the **assistant district attorney** hadn’t given him an opportunity to phone an **attorney** before they got him to make the **confession**. The judge also refused to permit the **district attorney** to use the **evidence** they found at Obermeister’s apartment since a complete search of the apartment was made without a **warrant** and without any **charges** being lodged beforehand. Without the **confession** and without the **evidence** they had taken from the apartment, the **district attorney** was seriously considering whether he should proceed with the case.* (p. 171)

*Дейв Котейн сумел убедить судью не принимать **признание** Карла Обермейстера на основании того, что полицейские, проводившие **арест**, и **помощник окружного прокурора** не дали ему возможность связаться с **адвокатом**, прежде чем он **признал свою вину**. Судья не позволил **окружному прокурору** использовать **улики**, обнаруженные в квартире обвиняемого, поскольку **обыск** проводился **без ордера** и до **предъявления обвинений**. А без **признания** и без **улик**, обнаруженных в квартире, **окружному прокурору** следовало серьезно задуматься, стоит ли выносить дело в суд.* (с. 146)

В данном примере, который является описанием судебного процесса, присутствует высокая частотность употребления автором юридической терминологии, которая в переводе заменена эквивалентными терминологическими соответствиями русского языка: “assistant district attorney” – «помощник окружного прокурора», “attorney” – «адвокат», “district attorney” – «окружной прокурор», “confession” – «признание», “warrant” – «ордер» (на обыск), “charges” – «обвинения», evidence – «улики» (т.к. уголовное право). Здесь следует отметить недостаток стиля перевода: “throw out confession” (разг.) – «не принимать признание» (книжный стиль), и

опущение в “got him to make the confession” – «прежде чем он признал свою вину», что приводит к искажению смысла, так как в оригинале Карл Обермейстер не добровольно признал свою вину, а его вынудили это сделать.

36. *The district attorney’s decision to prove that Philip Galan was guilty of murdering his little brother proved to be a mistake in strategy. Despite Philip’s lack of remorse, Paul was able to get expert psychiatrists to testify that Philip had a history of impulsive behavior and was an emotionally disturbed youngster. Just as Paul intended he was able to show how the parents were more guilty in many ways. The trial resulted in Philip being remanded to psychiatric care.* (p. 204)

Окружной прокурор решил доказать, что Филипп Галан виновен в убийстве младшего брата, и то решение оказалось стратегической ошибкой. Несмотря на то, что Филипп не раскаивался, Пол сумел найти опытных психиатров, которые сообщили суду, мальчик и раньше проявлял склонность к импульсивному поведению и страдал эмоциональной неуравновешенностью. Полу удалось доказать, что здесь больше виноваты родители. Судья решил, что Филиппа нужно поместить под присмотр психиатров. (с. 172)

В указанном примере можно наблюдать как соответствие терминологии оригинала и перевода (“district attorney” – «окружной прокурор», “guilty of murdering” – «виновен в убийстве»), так и ее несоответствие: “expert psychiatrist” – «опытный психиатр». “Expert psychiatrist” – тип свидетелей в праве США, которые приглашаются на судебные заседания и которые относятся к категории “expert witnesses”. Замена на «опытный психиатр», по нашему мнению, допустима, так как этот термин употреблен в художественном, а не юридическом тексте. “Trial” (resulted in) – «сообщили суду» – здесь также можно наблюдать искажение смысла оригинального текста, так как решение мог выносить не судья, а присяжные, однако, как и в случае с “expert psychiatrists”, подобная замена возможна в художественном тексте, так как не вносит существенного несоответствия в текст перевода, а художественный текст предназначен для массового читателя.

37. <...> *prove Mr. Rothberg **innocent beyond a doubt**, but personally he felt the last he could do was confuse the **jury** and keep them from feeling **certain beyond a doubt**, and thus **find him not guilty**. Rothberg would always be **suspected of murdering** his wife <...>, but at least he would **win the case**.* (p. 224)

<...> *что, несомненно, сможет доказать **невиновность** мистера Ротберга. Но в глубине души он понимал, что рассчитывать можно только на то, что **присяжные** запутаются и поддадутся сомнениям. Тогда Ротберга **признают невиновным**. И хотя окружающие по-прежнему будут убеждены, что он **мог убить** свою жену, дело можно будет и **выиграть**.* (с. 189)

В данном примере в переводе не сохранен стилистический прием, который использован автором в оригинальном тексте: противопоставление **innocent beyond a doubt** и **certain beyond a doubt**. “Beyond a (reasonable) doubt” – терминологическое словосочетание, применяемое в юрисдикции стран общего права, в уголовном праве “innocent beyond a reasonable doubt” можно приравнять к презумпции невиновности. Несмотря на сохранение смысла и содержания оригинального текста в переводе, изменение формы – а именно внесение в перевод антитезы (противопоставления) – могло бы способствовать повышению «литературности» текста перевода и повышению его экспрессивности. Опускание термина “suspect” («мог убить») неоправданно и снижает стиль оригинала.

38. *Kevin thought it was very clever of him to organize his case with a definite beginning, middle, and end, holding back the **clinical and forensic evidence** until the last **chapter**.* (p. 228)

*Кевин подумал, что это очень разумный прием – четко структурировать свое выступление и приберечь **клинические доказательства** и **результаты судебной экспертизы** напоследок.* (с. 192)

В оригинале используются два термина, обозначающие типы доказательств: “clinical evidence”, “forensic evidence”. “Forensic evidence” в

переводе заменено эквивалентным понятием российской правовой системы – результаты судебной экспертизы. Термина «клинические доказательства», использованного в переводе, в русском юридическом языке нет. Переводчик вводит неологизм, применяя калькирование, но подобный перевод непонятен русскоязычному читателю. Более удачным представляется вариант «заключение медицинского эксперта» или «результаты судебно-медицинской экспертизы».

39. <...> *and won cases outright when circumstantial evidence came under question.* (p. 272)

<...> *и выигрывали дела в суде, оспаривая приведенные доказательства.* (с. 230)

Здесь вместо перевода юридического термина “circumstantial evidence” используется прием генерализации – «приведенные доказательства», что значительно искажает смысл предложения оригинала, так как, согласно термину, использованному в оригинале, оспариваются только «косвенные улики», а не любое приведенное доказательство.

40. *The jury agreed. He was found guilty of murder in the 1st degree and he was sentenced to twenty-five years to life.* (p. 318)

Присяжные согласились с прокурором. Кевин был признан виновным в убийстве первой степени и приговорен к 25 годам тюремного заключения. (с. 265)

В данном примере следует обратить внимание на «виновным в убийстве первой степени», “1st degree murder” переведено калькированием, без переводческого комментария, что усложняет понимание в силу различия правовых систем США и России.

Данные примеры показывают, что различия правовых систем, особенно в области уголовного права, являются причиной того, что для достижения

эквивалентности и адекватности перевода, переводчику необходимо использовать различные трансформации. Однако, наряду с качественным, эквивалентным переводом юридической лексики в авторском повествовании о профессиональной деятельности героев, в некоторых фрагментах текста выбор используемых переводчиком лексических и стилистических преобразований в тексте перевода романа «Адвокат дьявола» может вызывать ряд вопросов относительно их целесообразности.

2.3.2 Допрос свидетелей

В романе Э. Найдермана «Адвокат дьявола» автор иллюстрирует такой тип юридического дискурса, как допрос свидетелей, в том числе и в ходе слушаний дел. В данных примерах можно выявить использование прямой речи (адвокатов и допрашиваемых свидетелей), использование характерной допросам юридической лексики, обусловленной не только специфическими обстоятельствами каждого дела, но и регламентом судебных слушаний и особым стилем:

41. “*The **alleged initial victim**, Barbara Stanley, told you about them?*” Kevin nodded to confirm the answer before he received it. (p. 19)

*Now, Mr Cornbleau can you tell the **court** what kind of grades Barbara Stanley was getting Luis Wilson class?* (с. 21)

«О них сообщила **предполагаемая первая жертва** Барбара Стенли?» - Кевин кивнул, подтверждая ответ, прежде чем свидетель успел ответить. (p. 13)

«А теперь, мистер, Корнбле, расскажите, пожалуйста, **суду**, какие оценки Барбара Стенли получала по предмету Луис Уилсон». (с. 14)

42. “*But it’s not my **fault**”, she added quickly, happy the **questioning** had taken a different direction.*

“*Now, Barbara, the **judge** told you, you have to tell the truth when you **testify in court**. Are you telling the truth?*”

*“Your Honor, the prosecution is presenting this little girl as one of its **chief witnesses** against my client. We can’t pick and choose what she should and shouldn’t remember about such an important **allegation**. If her **testimony** is inaccurate in any way...”* (p. 29-32)

*«Но я не **виновата**», – быстро добавила она, радуясь, что **допрос** пошел в другом направлении.*

*Вспомни, Барбара, **судья** говорил, что ты должна говорить правду, **давая показания в суде**. Ты говоришь правду?*

***Ваша честь**, эта маленькая девочка является одним из главных **свидетелей обвинения** против моей клиентки. Мы не можем выбирать, что она должна и чего не должна помнить о столь серьезных **обвинениях**. Если ее **свидетельство** в каком-то отношении неточно...* (с. 24-25)

В данных примерах (42, 43) – фрагментах допроса свидетеля обвинения (девочки Барбары Стенли) автор активно использует юридическую лексику для придания достоверности повествованию. Большая часть юридической терминологии и лексики текста перевода эквивалентна терминам и юридической лексики, использованным в оригинале: “alleged initial victim” – «предполагаемая первая жертва», “court” – «суд», “fault” – «вина», “questioning” – «допрос», “testify” – «давать показания в суде», “chief witness against my client” – «главный свидетель обвинения» (в переводе использован прием смыслового развития, так как клиентка адвоката – обвиняемая в суде), “testimony” – «свидетельство». Замена термина “allegation” на «обвинение» противоречит семантике термина английского языка (“allegation” – «голословное утверждение» [Ильин, 2009: 27]), однако подобная замена контекстуально обусловлена.

43. *A low murmur trembled through the audience. The **judge** looked out with reproach, and everyone became quiet instantly. <...> “We don’t have to talk about what happened at your house,” he said mercifully, “but did you tell your friends*

what to say and how to say it? Barbara?” he pursued, hammering the answer he wanted into her. <...>

“Your honor,” Balm said, **“Mr. Taylor is badgering the witness.”**

“I don’t think so, Mr. Balm,” the **judge** said. He leaned toward Barbara. **“Barbara, you have to answer the question.”**

“Did you lie to Mr. Cornbleau because you don’t like Miss Wilson?” Kevin asked quickly. It was a great move; it assumed she had already answered in the positive. Out of the corner of his eye, Kevin saw eyebrows rise on members of the **jury**. <...>

“But I didn’t lie about what I told him. I didn’t!” Barbara shouted through her tears.

“Seems to me, Barbara, you’ve been telling a number of lies while you sat here.” He turned and shook his head at the **district attorney**. Barbara was crying hard and had to be **taken off the stand** and led out a side door. (p. 32-37)

По залу пробежал легкий шум. **Судья** сурово посмотрел на собравшихся, и мгновенно воцарилась тишина. <...> Мы не будем говорить о том, что происходило в твоём доме, – снисходительно произнес он. – Но ведь ты подговорила своих подруг рассказать это? Ты объяснила им, как и что нужно говорить? Верно, Барбара? Кевин умело подвел девочку к нужному ответу.

«Ваша честь, – вмешался Балм. – **Мистер Тейлор запугивает свидетеля».**

«Я так не думаю, мистер Балм, – отрезал **судья**. Он наклонился к Барбаре и произнес, – **Барбара, ты должна ответить на вопрос».**

«Ты солгала мистеру Корнбле, потому что тебе не нравилась мисс Уилсон?» – быстро произнес Кевин. Это был отличный ход. Предполагалось, что девочка уже ответила утвердительно. Боковым зрением Кевин заметил, что **присяжные** удивлены таким поворотом дела.

«Но я не лгала им!» – прокричала Барбара сквозь слезы. – **«Я не лгала!»**

*«Похоже, Барбара, ты уже достаточно наврала в этом зале.», – Кевин повернулся к **окружному прокурору** и покачал головой. Барбара рыдала. Ее пришлось **вывести из зала** через боковую дверь. (с. 24-27)*

Здесь автор иллюстрирует довольно агрессивную, настойчивую тактику ведения допроса, выбранную адвокатом, который в результате добивается нужных ему ответов. Подобная тактика делает адвокатов более успешными, что подтверждают исследования [Wagner, 2007: 6-9]. В переводе на русский язык верно передан стиль агрессивно-настойчивый стиль допроса, юридическая терминология заменена эквивалентными терминами: “district attorney” – «окружной прокурор», “judge” – «судья», “jury” – «присяжные», “your honor” – «ваша честь». Перевод терминологического сочетания “badger the witness” как «запугивать свидетеля» только частично отражает семантику термина английского языка, так как “badger the witness” означает «вызывать агрессивную, эмоциональную реакцию у допрашиваемого свидетеля». В переводе данного фрагмента терминологическое словосочетание “be taken off the stand” («вывести из зала») переведено с помощью приема генерализации, так как “stand” – «место, где свидетели дают показания».

44. *“If you did do it and it comes out in **court**, you’ll be considered an **accessory to a crime**, a serious crime.” (p. 210)*

*Если вы это сделали и это выяснится в **суде**, вас сочтут **соучастницей преступления**. Серьезного преступления. (с. 177)*

Здесь “accessory to a crime” на русский язык переведено «соучастницей преступления», несмотря на несовпадение действий, по которым человек может быть признан «соучастником преступления» (согласно правовой системе РФ – это исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник), а в праве США бездействие свидетеля, а именно не информирование о совершенном кем-либо преступлении, так же делает его “accessory to a crime”.

Подобное различие в рамках художественного перевода можно считать незначительным.

2.3.3 Речь адвокатов в суде

В романе «Адвокат Дьявола» автор изображает речь адвокатов в ходе судебных процессов, включая в художественный текст еще один подтип юридического дискурса, – речь адвокатов в суде. Судебное слушание строго регламентировано, что выражается в использовании клишированных форм юридической лексики, это можно проследить на следующем примере:

45. *“Objection, your honor.” The district attorney stood up.*

“Counsel is asking the witness to make a conclusion.”

“Sustained.”

“Sorry, your honor.” Kevin turned back to Cornbleau. (p. 21)

«Протестую, ваша честь, - вскочил прокурор. – Адвокат подталкивает свидетеля к выводам.

«Принимается», - кивнул судья.

«Прошу прощения, ваша честь», – Кевин снова повернулся к свидетелю. (с. 14)

46. *“We would like to call Barbara Stanley to the bar, your honor,” the district attorney said, a tone of desperation in his voice. (p. 23)*

«Нет, ваша честь. Мы бы хотели вызвать Барбару Стэнли, ваша честь.», – В голосе окружного прокурора слышалось отчаяние. (с. 17)

В указанных примерах (45, 46) клишированные формы судебного процесса США переданы аналогичными формами судебного процесса в России: “Objection, your honor” – «Протестую, ваша честь»; “Sorry, your honor” – «Прошу прощения, ваша честь». “Sustained” согласно клишированным

формам судебного заседания в РФ следовало бы перевести «протест принят», а не «принимается».

Здесь следует обратить внимание на перевод словосочетания “call to the bar” – «вызвать», подобный перевод вносит в текст неясность, которую следовало бы исключить, добавив «в качестве свидетеля» или «на допрос».

2.3.4 Вступительная речь адвокатов

Вступительная речь адвокатов характеризуется особой стилистикой: в ней сочетается стиль юридических документов с использованием нехарактерных ему различных стилистических средств: метафор, олицетворений, эпитетов и т.д., которые используются для того, чтобы попытаться убедить судью (присяжных) и других участников процесса в своей правоте и своей позиции по рассматриваемым делам. Для достижения максимальной реалистичности описываемых событий, Э. Найдерман включает в свой роман также и этот подтип юридического дискурса:

47. “*You will see, **ladies and gentlemen of the jury**,*” McKensie began, “*how the seeds of this cunning **murder** were planted years before it occurred; how the **defendant** developed **motive**, had opportunity, and committed the unconscionable act in a cold and calculated manner, confident that his **guilt** would be clouded by confusion or supposed negligence.*” He turned toward Rothberg and pointed. “*He is depending on one word, doubt, and hoping that his **lawyer** will keep that doubt alive to prevent you, in your good conscience, from convicting him of the heinous **crime**.*” (p. 228)

Дамы и господа! Уважаемые присяжные! – начал Маккензи. – *Вы увидите, как задолго до **преступления** были посеяны семена этого хитроумного **убийства**; как у **обвиняемого** сформировались **мотивы**, появилась возможность; как он холодно и расчетливо совершил этот немислимый поступок в твердой уверенности, что его **вину** невозможно будет доказать в силу сомнений и возможной небрежности.*

Прокурор повернулся к Ротбергу и указал на него.

*«Этот человек полагается на единственное слово – «Сомнение». Он надеется, что **адвокат** поселит в ваши души сомнение, которое помешает вам сознательно и убежденно **признать его виновным** в чудовищном преступлении. (с. 193)*

В данном примере – речи обвинителя Маккензи – присутствуют различные стилистические средства:

“The seeds of the cunning murder were planted” – метафора, переведенная на русский язык с сохранением образа: «были посеяны семена этого хитроумного убийства»; “keep that doubt alive” – олицетворение, замененное в русском переводе на метафору: «поселит в ваши души сомнение».

“Unconscionable” (act), “heinous” (crime), “cunning” (murder) – эпитеты, переведенные эквивалентными им эпитетами: «немыслимый» (поступок), «чудовищное» (преступление), «хитроумное» (убийство). Юридическая лексика, в частности терминология, которую автор использует в данном отрывке, имеет полные эквиваленты в русском языке, что можно проследить на ее переводе: “murder” – «убийство», “defendant” – «обвиняемый», “motive” – «мотив», “guilt” – «вина», “crime” – «преступление», “convict” – «признать виновным».

2.3.5 Разговор адвокатов на профессиональные темы

Разговор адвокатов на профессиональные темы обладает всеми особенностями диалогической речи, но также имеет и определенные черты юридического дискурса, которые отражаются прежде всего в использовании юридической лексики и, в частности, терминологии.

В речи адвокатов, которая изображена в романе «Адвокат дьявола», присутствует, в основном, лексика уголовного права, которая переведена

соответствующими эквивалентами русского юридического языка, что можно проследить на следующих примерах:

48. “*Haven't these people ever heard of innocent until proven guilty?*” (p. 52)

А эти люди слышали когда-нибудь о презумпции невиновности? (с. 41)

49. “*What do they have, then, besides the girl's testimony?*”

“About six years ago, he was accused of raping a twelve-year-old in Tusla, Oklahoma. It never went to trial.” (p. 55)

Что у них есть, кроме показаний девочки? (с. 79)

Примерно 6 лет назад его обвиняли в изнасиловании 12-летней девочки в Талсе, штат Оклахома. Дело до суда не дошло. (с. 80)

50. <...> *a highly publicized case <...> a number of coeds have been raped and viciously murdered, their bodies mutilated, the murders covering area from upper Bronx through Yonkers and into Westchester. A man has been arrested and charged.* (p. 99)

<...> *весьма резонансным делом, - пояснил Кевину мистер Милтон. - Возможно вы читали об этом: несколько студенток колледжа были изнасилованы и зверски убиты. Их тела изуродовали. Убийства произошли в районе от верхнего Бронкса до Йонкерса и Вестчестера. Мужчину арестовали и предъявили обвинения.* (с. 81)

51. *It's so clear that he has no regrets that the prosecution is going for premeditated murder. <...> he did it just to kill him.* (p. 82)

Он не сожалеет. Не сожалеет настолько, что обвинение собирается говорить о предумышленном убийстве. <...> Он сделал это, чтобы убить мальчика. (с. 85)

Исходя из примеров (48, 49, 50, 51), заключаем, что термины исходного текста имеют полные эквиваленты в языке перевода:

“innocent until proven guilty” – «презумпция невиновности», “testimony” – «показания», “trial” – «суд», “rape” – «изнасилование», “murder” – «убийство», “prosecution” – «обвинение», “kill” – «убить», “premediated murder” – «предумышленное убийство».

Данные понятия, и термины их обозначающие, существуют как в российской правовой системе, так и в системе общего права, что доказывает, что перевод подобной терминологии не вызывает трудностей.

52. “*That’s the sixteen-year-old kid who took **a joy ride** in his neighbor’s car?*” (p. 55)

*А да... Шестнадцатилетний парень, который **прокатился** на соседской машине?* (с. 44)

“Joy ride” – преступление, которого нет в УК РФ, в переводе заменено на «прокатиться». Подобный перевод не раскрывает сущность данного преступления, поэтому в переводе следовало бы добавить, например «без разрешения» – «прокатился на соседской машине без разрешения».

53. “<...> *Even if you **put him on the stand**, they can’t ask about prior **accusations**, only prior **convictions**.*” (p. 98)

*Даже если его **подвергнут перекрестному допросу**, они не могут допрашивать о тех **обвинениях** – только о **вынесенных приговорах**.* (с. 81)

54. “*I don’t want to put him **on the stand**. The way he talks about his dead brother ... if I were **the jury**, I’d **convict** him, too*” (p. 102)

*Мне бы не хотелось **подвергать его перекрестному допросу**. Он так говорит о погибшем брате... если бы я был **присяжным**, то **осудил** бы его без колебаний.* (с. 85)

В данных примерах (53, 54) “put on the stand” переведено как «подвергнуть перекрестному допросу», то есть в переводе используется такая трансформация как смысловое развитие, что вносит в русский перевод

ясность, так как “put on the stand” в данном контексте означает «выставить в качестве свидетеля». Перевод терминологии в вышеуказанных примерах не вызывает трудностей в силу того, что обозначаемые понятия имеются в двух правовых системах: “accusation” – «обвинение», “conviction” – «приговор» (“conviction” – результат судебного процесса, в котором обвиняемый по уголовному делу признается виновным), “jury” – «присяжные».

55. *They went to his apartment to **question** him, only an overly ambitious young **detective** went a lot further. He **searched** his place without a **warrant** and found wire fasteners similar to the ones used to bind the victims. They took Karl in and kept him in a holding tank for five hours, **questioning** him, until he **confessed**. <...> the **alleged evidence** the **detective** found is all **inadmissible**.* (p. 61)

*Полиция отправилась к нему на квартиру, чтобы **провести допрос**, но тут чрезмерно амбициозный, молодой **следователь** допустил ошибку. Он **обыскал** квартиру **без ордера** и обнаружил проволочную обвязку сходную с той, которой обвязывали жертв. Полиция задержала Карла на пять часов и **допрашивала** его, пока он не **сознался**. <...> а **доказательства**, обнаруженные **детективом**, суд во внимание не примет.* (с. 82)

“Went a lot further” – «допустил ошибку» – смысловое развитие, которое искажает смысл фразы, использованной в оригинале, но не влияет на понимание текста, так как далее речь действительно идет об ошибке следователя, которая стоила обвинению выигранного судебного дела. “Inadmissible evidence” – тип доказательств, которые не принимаются судом в силу того, что они были получены с нарушением уголовно-процессуальных норм, таким образом, использованный в переводе прием целостного преобразования, не искажает смысл текста и является допустимым вариантом перевода. Терминология, использованная автором в оригинальном тексте, заменена эквивалентной ей терминологией в переводе: “to question” – «провести допрос», “detective” – «следователь», “search” – «обыскать», “warrant” – «ордер» (на обыск), “confess” – «сознаваться».

Имитация речи персонажей в диалогической форме является основным структурным компонентом произведения “The Devil’s Advocate”. Большинство действующих лиц романа – адвокаты. Этим и объясняется активное включение в текст произведения данного подтипа юридического дискурса.

В проанализированных примерах наблюдается высокая частотность употребления юридической терминологии. Большая часть терминов имеет полные эквиваленты в русском языке, однако в данных предложениях присутствует также терминология, которая имеет частичные эквиваленты в русском языке или не имеет эквивалентов. В случаях, когда полный эквивалент термина отсутствует в языке перевода, переводчик использует различные трансформации для достижения качественного перевода.

Выводы к главе 2

1. Интердискурсивность является одной из черт современных романов постмодернизма и находит свое отражение в таких романах как “The Children Act” (Закон о детях) И. Р. Макьюэна и “The Devil’s Advocate” (Адвокат дьявола) Э. Найдермана, где художественный текст включает элементы юридического дискурса.

2. Роман “The Children Act” – яркий пример сочетания художественного текста и юридического дискурса. Для реализации своей идеи автор обращался к консультации судей Великобритании, что показывает, насколько профессионально применяется юридическая лексика в романе.

3. Использование Э. Найдерманом юридической лексики в романе “The Devil’s Advocate” объясняется реализацией автором основной идеи и темы романа.

4. Активное использование юридической лексики в романах Э. Найдермана и И. Р. Макьюэна позволяет классифицировать ее по подтипам юридического дискурса: речь судей, речь адвокатов защиты и обвинения (вступительные, заключительные речи и т.д.), допрос свидетелей в суде, разговор (адвокатов, судей) на профессиональные темы, а также добавить в классификацию авторское повествование о личной жизни героев и их профессиональной деятельности.

5. Перевод романа “The Children Act” (Закон о детях), выполненный В. Голышевым, характеризуется тенденцией к упрощению оригинального текста, что можно проследить в произвольном опущении юридической терминологии, отсутствием переводческого комментария к некоторым безэквивалентным терминам (2 level GBH и др.), отклонением от стиля оригинала («скостить срок» и др.), неверным подбором эквивалентов юридической лексики (“My lady” – «миледи», “the supposed victim” – «истица»

в уголовном судопроизводстве и др.), непоследовательным переводом терминологии (“solicitor” – «солиситор», «адвокат»).

6. Перевод романа “The Devil’s Advocate” в силу того, что его оригинальный текст проще оригинального текста романа “The Children Act”, следует признать более качественным и более эквивалентным оригинальному тексту, как в плане стиля (большая часть текста – диалогическая речь героев романа), так и в плане перевода использованной автором юридической лексики.

7. В обоих романах в переводе используются такие трансформации как калькирование, генерализация, конкретизация, смысловое развитие, целостное преобразование и др. Среди приемов перевода также используется переводческий комментарий, которым объясняется безэквивалентная лексика и латинская терминология.

8. Несмотря на то, что перевод юридической лексики в романах имеет вышеобозначенные недостатки, большая часть юридической лексики заменена в переводе эквивалентными терминами русского юридического языка или сопровождается описательным переводом, переводческим комментарием. Однако в отдельных случаях можно выявить перевод безэквивалентных лексических единиц юридического языка с использованием калькирования или транслитерации без переводческого комментария. Это оценивается нами как ошибочные переводческие решения, так как таким образом текст перевода приобретает неясность и вызывает непонимание читателей.

9. В текстах обоих переводов можно выявить отдельные случаи неверного перевода терминологических единиц или клишированных форм, которые имеют эквиваленты в языке перевода. Подобный перевод, на наш взгляд, является нецелесообразным и не обусловленным контекстом.

10. Имеющиеся стилистические изменения в сторону снижения стиля оригинального текста, наряду с неверным переводом терминологии или ее опущением, искажают представление читателей о произведениях и

противоречат теоретическим положениям о эквивалентности и адекватности перевода художественных текстов.

11. Тем не менее, в целом, переводу романа “The Devil’s Advocate” характерно сохранение стиля, как самого художественного текста, так и включенного в него юридического дискурса, а перевод романа “The Children Act”, следует признать более вольной интерпретацией оригинального текста.

Заключение

В данной магистерской работе были рассмотрены лексико-семантические и стилистические особенности перевода юридической лексики на примере текстов художественных произведений И. Р. Макьюэна “The Children Act” (и его перевода на русский язык, выполненного В. Гольшевым) и Э. Найдермана “The Devil’s Advocate” (и его перевода на русский язык, выполненного Т. О. Новиковой). Рассмотрение особенностей перевода юридической лексики обусловило необходимость подробного изучения специфики и сущностных характеристик юридического языка. Теоретической основой послужили труды таких исследователей, как А. Зидан, П. Тиерсма, А. Н. Шепелева, А. Капоне и др.

В исследовании были также изучены такие понятия как эквивалентность и адекватность в переводе художественного и юридического текста на примере работ К. М. Левитана, Р. Р. Чайковского, Л. Венутти, С. Сарсевики и Ч. Райта. Рассмотрение различных подходов позволило конкретизировать данные понятия.

Положение о том, что активное использование юридической лексики не является типичным для классического художественного произведения, послужило предпосылкой для изучения сферы функционирования юридического языка и юридического дискурса. Обращение к работам М. Йенсена, П. Чайдза, Н. С. Олизько позволило сформулировать и доказать тезис о том, что современная художественная литература отличается интердискурсивностью, и, как следствие, комбинированием различных стилей. Особое внимание в данном исследовании уделяется изучению особенностей перевода юридической лексики, в том числе терминологии, в художественном тексте, то есть за пределами типичной сферы ее функционирования, которой является юридический дискурс.

Материалом исследования послужили романы И. Р. Макьюэна “The Children Act” и Э. Найдермана “The Devil’s Advocate” и их переводы на русский язык. На протяжении всего повествования в этих романах можно проследить взаимодействие художественного текста и юридического дискурса, что и объясняет выбор данных произведений для исследования в рамках магистерской диссертации. В данных романах, в силу их тематики и специфики литературы постмодернизма, авторы активно используют юридическую лексику, изображая как личную жизнь героев, так и их профессиональную деятельность. В ходе исследования были выбраны предложения, содержащие лексические единицы юридического языка. Юридическая лексика была проанализирована на предмет сохранения или несохранения ее семантики и стилистики в переводе.

В исследовании были выявлены и проанализированы переводческие решения относительно передачи семантики безэквивалентной или частично эквивалентной терминологии. На основе теоретических работ О. В. Косоноговой, А. Тросборг, Д. Као юридический дискурс, смоделированный в текстах анализируемых романов, был классифицирован и разделен на следующие подтипы: авторское повествование, речь судей, речь адвокатов защиты и обвинения (в том числе вступительные и заключительные речи адвокат на судебном заседании), допрос свидетелей, разговор судей, адвокатов и др. на профессиональные темы. Подобная классификация позволила тщательно проанализировать стилистику оригинального текста и его перевода на русский язык, и, как следствие, проанализировать стилистические трансформации, использованные переводчиками.

Исследование позволило выявить, что перевод романа “The Children Act” на русский язык искажает и упрощает оригинальный текст, вносит неясность в понимание текста русскоязычными читателями и не сохраняет идею и замысел автора, в силу неточного перевода юридической лексики и снижения стиля. Так же, как и В. П. Голышев в романе «Закон о детях», Т. О.

Новикова прибегает к различным переводческим приемам и трансформациям при переводе юридической лексики, некоторые из них являются нецелесообразными и искажающими оригинальный текст.

Исходя из вышесказанного, полагаем, что цели работы, состоящие в изучении и анализе семантики и стилистики перевода юридической лексики в художественных текстах, были достигнуты.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в изучении лексико-семантических и стилистических особенностей перевода юридической лексики на примерах других произведений постмодернизма, а также в рассмотрении на ряду с анализируемыми проблемами грамматических несоответствий. Также в перспективе дальнейшего исследования можно обозначить сравнительно-сопоставительный анализ перевода юридической лексики в художественном тексте и экранизациях, основанных на данных романах.

Список используемой литературы

I Научная литература

1. Алексеева Е. А., Велла Т. М., Достижение эквивалентности при переводе художественного текста (на основе опыта французской переводческой школы), Грамота, 2015.
2. Алимов В. В., Юридический перевод. Практический курс, М.: Ком Книга, 2005.
3. Анисимова А. Г., Архипова М. А., Англоязычные юридические термины: оптимизация процесса обучения, Вестник МГИМО-Университета, №4 (37), 2014.
4. Атабекова А. А., Юридический перевод: интерпретация, адаптация, медиация, Наука и бизнес: пути развития, 2011.
5. Балабанов А. Т., Стилистические потенции перевода, Научный Вестник, №11, 2002.
6. Барабаш О. В., Смысловые трансформации правовых терминов вне юридического дискурса, Рема, 2016.
7. Бархударов Л. С., Язык и перевод, М.: Международные отношения, 1975.
8. Безуглова О. А., Кузнецова А. А., Юридическая лексика на занятиях по английскому языку в языковом ВУЗе, Филологические науки. Вопросы теории и практики, Грамота, №4 (58), 2016.
9. Безуглова О. А., Проблемы перевода английских юридических терминов в художественной литературе, Филология и культура, №4, 2013.
10. Валеева Н. Г., К понятиям адекватности и эквивалентности в научном переводе, Вестник РУДН, 2006.
11. Гаибова М. П., Прагмалингвистический анализ художественного текста, Баку, АГУ, 1986.
12. Гамзатов М. Г. Техника и специфика юридического перевода, Сб. статей, Спб, 2004.

13. Голев Н. Д., О специфике языка права в составе общенародного русского языка, Юрислингвистика, 2004.
14. Гринев-Гриневиц С. В., Терминоведение, М.: Академия, 2008.
15. Григорьева Г. Е., Культурная и лингвистическая непереводаемость прозы В. М. Шукшина, Вестник ПГГПУ, № 3, 2017.
16. Емельянова Я. Б., Лингвокультурное переключение и основы его функционирования в переводе, Вестник ТГПУ, 2013.
17. Зотова А. Б., К вопросу о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность», Известия Волгоградского государственного педагогического университета, № 9, 2010.
18. Иванкова И. В., Переводческий комментарий как способ интерпретации художественного текста, Альманах современной науки и образования, Грамота, №5(48), 2011.
19. Казакова Т. А., Художественный перевод. Теория и практика, Инъязиздат, 2006.
20. Калина В. Ф., Юридическая техника, М.: Юрайт, 2017.
21. Киндерхнехт А. С., К вопросу о трудностях перевода юридической терминологии, Ученые записки орловского государственного университета, 2013.
22. Киракосян М. Б., Параллельные номинации в терминологической системе права, Рема, 2015.
23. Ключина А. М., Здор А. И., Проблемы и способы перевода английских терминов в текстах юридического дискурса, Поволжский педагогический вестник, 2016.
24. Кожевников В. М., Николаев П. А., Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.
25. Комиссаров В. Н., «Теория перевода (Лингвистические аспекты)», М.: Высш. Школа, 1990.

26. Косоногова О. В., Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры, Историческая и социально-образовательная мысль, 2015.
27. Лазарев В. В., Казьмин И. Ф., Дмитриев Ю. А., Общая теория права, 1998.
28. Латышев Л. К., Технология перевода, М.: Академия, 2005.
29. Лебедева А. А., Проблема эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц при переводе юридических текстов, Рема, 2013.
30. Левитан К. М. Юридический перевод. Основы теории и практики, М.: Проспект, 2011.
31. Лейчик В. М., Терминоведение, М.: Либроком, 2009.
32. Олизько Н. С., Интердискурсивность как категория постмодернистского письма, Вестник Челябинского государственного университета, № 2 (18), 2007.
33. Олизько Н. С., Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста, Вестник ЧелГУ, 2011.
34. Папулова Ю.К., Переводческий комментарий как особый вид метатекста, Вестник Пермского национально-исследовательского политехнического университета, 2015.
35. Паршин А. Н., Теория и практика перевода, М.: Русский язык, 2000.
36. Соловьева З. В. Юридический язык и стиль юридических документов как объекты реформирования в контексте современного развития английского языка, Вестник МГИМО Университета, 2010.
37. Федулова М. Н., Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации, Филологические науки в МГИМО, № 4, 2015.
38. Филимонова О. Е., Эмоциология текста, Спб.: Книжный дом, 2007.
39. Хижняк С. П., Юридическая терминология: формирование и состав, С.: 1997.

40. Чайковский Р. Р., Воронежская Н. В., Лысенкова Е. Л., Харитоновна Е. В., Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации, М.: Флинта, Наука, 2014.
41. Червонюк В. И., Элементарные начала общей теории права – право и закон, М.: Колосс, 2003.
42. Шепелев А. Н. Характеристика юридического языка, Социально-экономические явления и процессы, 2012.
43. Шматова Е. С., Язык права и язык закона в дихотомии лингвистических исследований, Альманах современной науки и образования, Грамота, №2, 2012.
44. Alcaraz E., Hugnes B., Legal translation explained, Routledge, USA, 2014.
45. Anthony A., Ian Mc Ewan: The Literary Novelist with a Popular Appeal, The Guardian [Электронный ресурс] URL <https://www.theguardian.com/theobserver/2010/feb/28/ian-mcewan-profile> (дата обращения: 03.02.2018)
46. Bhatia V. K., Candlin C.N., Engberg J., Hong Kong University Press, 2008.
47. Boase-Beier J., Stylistics and Translation, John Benjamins Publishing Company, 2012.
48. Broekman J. M., Fleerackers F., Legal Conversation as Signifier, Edward Elgar Publishing Limited, UK, 2017.
49. Cao D., Translating Law, Multilingual Matters ltd, 2007.
50. Capone A., Poggi F., Pragmatics and law: Philosophical perspectives, Springer int. publishing, Switzerland, 2016.
51. Childs P., Contemporary novelists: British fiction since 1970, Palgrave Macmillan, NY, 2005.
52. Conley J. M., O'Barr W. M., Rules versus Relationships: The Ethnography of Legal Discourse, University of Chicago Press, USA, 1990.
53. Darwish A., Optimality in translation, Writescoppe Pty ltd, Australia, 2008.
54. El-Farahaty H., Arabic – English, English – Arabic Legal translation, Routledge, 2015.

55. Febrero J. L. S., *Legal English and translation: Theory and Practice*, Editorial Club Universitario, 2004.
56. Fowler R., *Literature as social discourse: the practice of linguistic criticism*, 1981.
57. Galdia M., *Legal Linguistics*, Peterlang GmbH, Germany, 2009.
58. Gambier Y., Doorslaer L., *Handbook of translation studies*, John Benjamins Publishing Company, 2011.
59. Garzone G., *Legal translation and functionalist approaches: a contradiction in terms?*, University of Bologna, It. 2009
60. Glanert S., *Comparative law: Engaging Translation*, Routledge, UK, 2014.
61. Hassan A. B., *Literary Translation. Aspects of Pragmatic Meaning*, Cambridge Scholars Publishing, UK, 2011.
62. Hatim B., Mason I., *Discourse and the translator*, Routledge, NY, 2013.
63. House J., *Translation*, Oxford University Press, UK, 2009.
64. Ilynska L., Platonova M., *Meaning in translation: Illusion of Precision*, Cambridge Scholars Publishing, UK, 2016.
65. Jensen M. H., *The Effects of conflict in the novels of Ian McEwan*, 2007.
66. Kjær A. L., Madsen M. R., *Paradoxes of European Legal Integration*, Routledge, NY, 2016.
67. Landers C. E., *Literary translation: A Practical Guide*, Cromwell Press Ltd, UK, 2001.
68. Lewis Peter, «Ian McEwan», *Contemporary Novelists*. 4th ed. Ed. D.L. Kirkpatrick. London, St James Press, 1986
69. Marmor A., *The language of law*, Oxford University Press, UK, 2014.
70. Millan C., Batrina F., *The Routledge Handbook of Translation Studies*, Routledge, USA, Canada, 2013.
71. Monday J., *Evaluation in translation: Critical points of translator decision-making*, Routledge, NY, 2012.

72. Morris M., *Translation and the Law* (American translation Association Scholarly Monograph Series), John Benjamin's publishing company, Amsterdam, 1995.
73. Newmark P., *A Textbook of translation*, Prentice-Hall International, 1988.
74. Nida E. A., *Contexts in translating*, John Benjamins Publishing Company, 2002.
75. Olsen F., Lorz A., Stein D., *Translation issues in language and law*, Palgrave, MacMillan, 2009.
76. Reiss K., Vermeer H. J., *Towards a General Theory of Translational Action: Skopos Theory Explained*, Routledge, NY, 2014.
77. Rotman. E., *The Inherent Problems of Legal Translation*, 1995.
78. Sarsevic S., *New Approach to Legal Translation*, Klower Law International, UK, 2000.
79. Sarsevic S., *Translation and the Law: An Interdisciplinary Approach*, Benjamins translation library, 1994.
80. Tiersma P. M., *Legal language*, University of Chicago, 1999.
81. Trosborg A., *The performance of Legal Discourse*, *Hermes, Journal of Language and Communication in Business*, 1992.
82. Udina N., *Law education: Language and Legal translation perspectives*, *Procedia-Social and behavioral sciences*, V. 214, 2015.
83. Venuti L., *The Translator's Invisibility: A History of Translation*, NY, Routledge, 2008.
84. Verdonk P., *Stylistics*, Oxford University Press, 2002.
85. Wagner A., Cheng L., *Exploring Courtroom Discourse: The Language of Power and Control*, Ashgate, 2001.
86. Wagner A., Wemer W., Cao D., *Interpretation, Law and the Construction of Meaning. Collected Papers on Legal Interpretation in Theory, Adjudication, and Political Practice*, Springer, 2007.
87. Wales K., *A Dictionary of Stylistics*, Routledge, NY, 2014.

88. Way C., The Challenges and opportunities of legal translation and translator training in the 21st century, International Journal of Communication, 2016.
89. Wright C., Literary translation, Routledge, 2016.
90. Yongfang H. The semiotic approach and translation of fiction, Translation Journal, Translation theory, №4, 2000.
91. Zidan A. A., A linguistic analysis of some problems of Arabic-English translation of legal texts with special reference to contracts, Cambridge Scholars Publishing, UK, 2015.

II Словари и справочники

1. Casse O., Encyclopedia of Literary Translation into English, V.1, Fitzroy Dearborn Publishers, London-Chicago, 2001.
2. Law J., Martin E. A., A Dictionary of Law, Oxford University Press, 2009.
3. Law.com [электронный ресурс] URL: <https://dictionary.law.com>
4. Legal Definitions Legal Terms Dictionary, US Legal Inc., [электронный ресурс] URL: <https://definitions.uslegal.com>
5. Macmillan Dictionary [электронный ресурс] URL: <https://www.macmillandictionary.com>
6. Merriam-Webster dictionary, [электронный ресурс] URL: <https://www.merriam-webster.com>
7. Белокурова С. П., Словарь литературоведческих терминов, Паритет, 2007.
8. Ильин Ю. Д., Англо-русский и русско-английский юридический словарь, М.: Живой язык, 2009.
9. Поливанов Е. Д., Словарь лингвистических и литературоведческих терминов, Либроком, 2017.
10. Сухарев А. Я., Большой юридический словарь, М.: ИНФРА-М, 2007.
11. Ушаков Д. Н., Толковый словарь русского языка, [Электронный ресурс] URL: <https://ushakovdictionary.ru/>

III Нормативные документы

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ [электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
2. Семейный кодекс РФ [электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ [электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

IV Материал исследования

1. McEwan I. R., The Children Act, London: Jonathan Cape, 2014.
2. Neiderman A., The Devil's Advocate, USA: Simon and Schuster, 2012.
3. Макьюэн И. Р., Закон о детях, М.: Эксмо, 2016.
4. Найдерман Э., Адвокат Дьявола, М.: Эксмо, 2016.